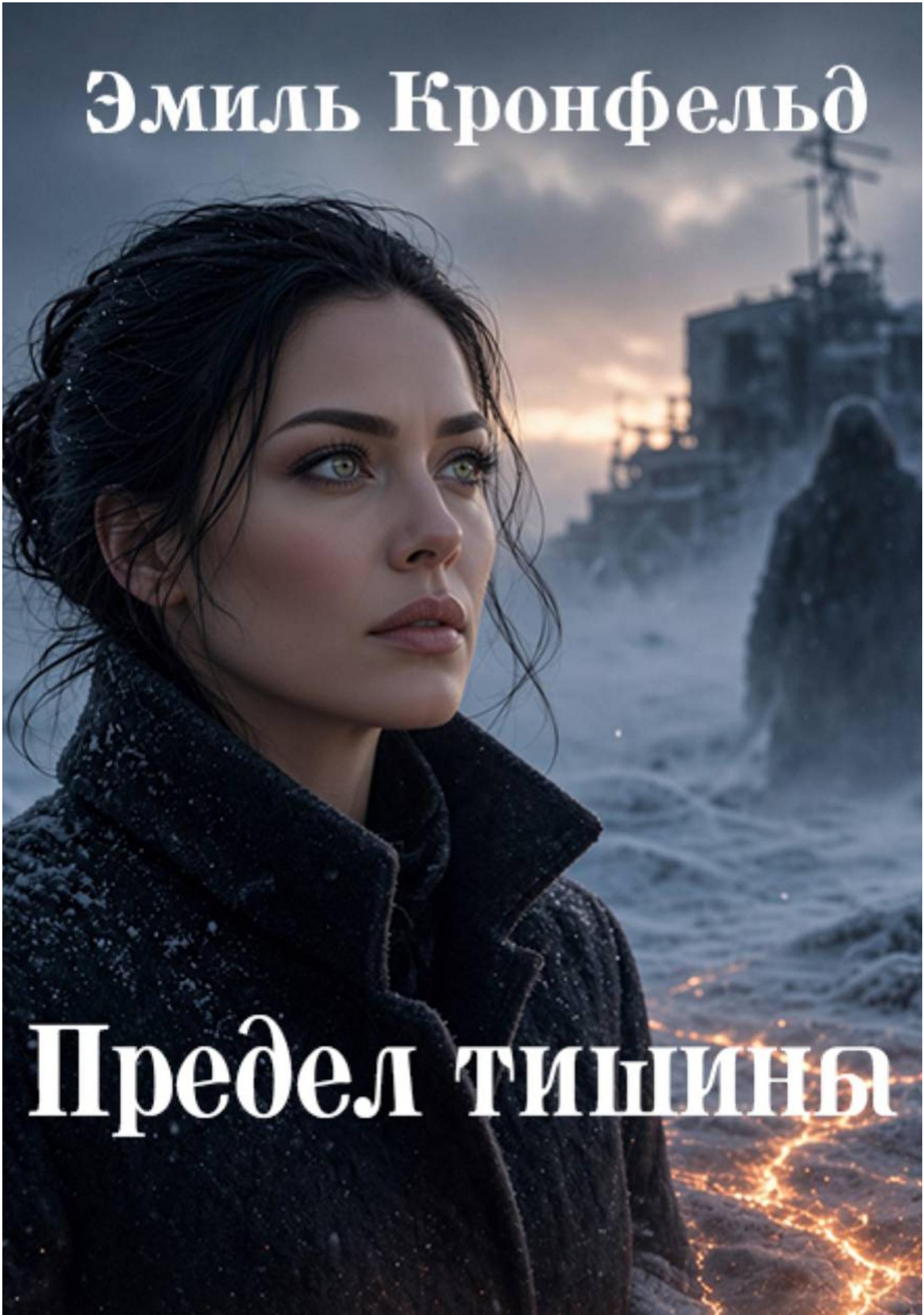
Эмиль Кронфельд

Предел тишины

Эмиль Кронфельд

Предел тишины

«Автор»
2026

Кронфельд Э.

Предел тишины / Э. Кронфельд — «Автор», 2026

В пять сорок утра профессор Громов получает звонок: «Оставайтесь дома. Скоро мы увидимся». Через час его находят мёртвым, а единственное, что он успел, — отправить бывшей ученице четыре слова: «Они проснулись раньше времени».Вера Соколова, сейсмолог, десять лет не разговаривала с Громовым. Теперь она читает сигнал, который приходит из-под земли строго раз в семнадцать минут сорок три секунды. С точностью до миллисекунды. Внутри импульса — структура. Не хаос землетрясения, а ритм. Код.Такой же сигнал записали в 1987 году на мёртвой полярной станции «Лопарь». На ленте — подпись её отца, погибшего, когда ей было девять. Официально такого человека не существовало никогда.Теперь её ведут в тундру: академик с тридцатилетним молчанием за спиной, бывший офицер, который знает больше, чем говорит, и голос из прошлого, который она не слышала двадцать три года.Земля не молчит. Она передаёт сообщение. И кто-то очень не хочет, чтобы Вера его услышала.

© Кронфельд Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

День первый. Голос из-под земли 5
Мурманск, квартира профессора Аркадия Громова. 05:40-06:20 5
Мурманск, Центр геофизических исследований. 08:15-09:30 9
Мурманск, гостиница «Арктика». 11:00-12:10 13
Мурманск, архив научно-исследовательского института. 14:30-16:00 17
Мурманск, квартира Веры. 22:10-23:40 Домой она добралась только к десяти. 20
День второй. Мёртвая станция 23
Мурманск, аэропорт. 06:30-08:00 23
Автомобильная трасса Мурманск — центральная часть Кольского полуострова. 09:00-12:30 31
Заброшенная полярная станция «Север-12». 13:00-15:20 37
Подземное помещение станции. 16:10-18:00 42
Станция «Север-12», комната связи. 23:00-00:30 49
День третий. Под каменной кожей 56
Лагерь экспедиции, станция «Север-12». 05:30–07:00 56
Скальный массив, центральная часть Кольского полуострова. 08:00–11:30 63
Первый уровень подземного комплекса. 12:00–14:00 69
Третий подземный уровень. 21:20–23:50 75
Конец ознакомительного фрагмента. 76

Эмиль Кронфельд
Предел тишины

День первый. Голос из-под земли

Мурманск, квартира профессора Аркадия Громова. 05:40-06:20

Телефон зазвонил без двадцати шесть. Аркадий Громов открыл глаза ещё до второго гудка.

Он не спал. Если быть честным до конца, а в последние недели он старался хотя бы с самим собой не лукавить, то не спал уже третью ночь подряд. Лежал на спине, в позе человека, привыкшего к тесным экспедиционным спальникам и палаткам, где нельзя ни повернуться, ни вытянуть руку, и смотрел в потолок.

Потолок в его квартире был старый, с сеточкой трещин, которую он знал наизусть. Одна трещина тянулась от люстры к углу, где когда-то протекла соседская ванна. Другая, потоньше, отходила от неё в сторону. Громов давно научился читать эти линии, как сейсмограмму, и убеждал себя, что они не меняются. Но этой ночью ему казалось, что левая ветвь стала длиннее на полпальца.

За окном сгущалась предзимняя темнота. До полярной ночи в Мурманске оставалось ещё несколько недель, но рассветы уже запаздывали. Солнце поднималось поздно, около восьми, да и то ненадолго. Серый свет едва пробивался сквозь облака. Сейчас за стеклом стояла густая синяя тьма, прорезанная жёлтыми пятнами фонарей. В стороне порта мерцали красные огни кранов. Сквозь неплотно прикрытую форточку тянуло морем: солью, мазутом, мокрым железом и той особенной арктической сыростью, которая пробирается под одежду и остаётся в костях до самой весны.

Телефон лежал на тумбочке. Экран светился: незнакомый длинный номер с кодом, который Громов не узнал. Он смотрел на цифры, а сердце билось тяжело и редко, будто тоже раздумывало, стоит ли ускоряться.

Ему было шестьдесят семь лет. Высокий от природы, с годами он заметно сутулился, как будто всю жизнь пригибался под низкими сводами лабораторий и штолен. Длинное костистое лицо, глубокие морщины у рта и на лбу напоминали рельефную карту. Каждая складка имела своё происхождение и даже собственную дату. Эта, поперечная, появилась в девяносто первом, когда закрыли институт. Другая, от носа к уголку губ, стала глубже после смерти жены. Седые волосы торчали непослушным ёжиком. Громов стригся сам, обычными ножницами, раз в два месяца, и каждый раз получалось неровно. Серые глаза за толстыми стёклами очков смотрели внимательно, чуть устало. В них было что-то птичье: настороженность и привычка замирать, едва рядом появлялось что-то подозрительное.

— Да, — сказал он в трубку и сам удивился сухости и хрипоте собственного голоса.

В динамике на секунду повисла тишина. Потом заговорил мужчина. Негромко, ровно, без всякого выражения. Так говорят дикторы автоответчиков или врачи, сообщающие диагноз.

— Аркадий Борисович, доброе утро. Простите за ранний звонок. Вы ведь уже слышали?

Громов сел. Пружины кровати скрипнули. Босые ступни коснулись холодного линолеума. По телу пробежала мелкая дрожь, но дело было не в холоде.

— Что именно я должен был слышать?

— Вы прекрасно знаете, что.

Громов промолчал. В трубке было слышно дыхание собеседника. Спокойное, глубокое. От этого становилось ещё страшнее: так дышат люди, которым некуда торопиться, потому что всё уже решено.

— Мы хотели бы, чтобы вы оставались дома, — продолжил мужчина. — Никуда не выходили. Ни с кем не связывались. Особенно с теми, кому собираетесь писать. Это для вашей же безопасности.

— Вы меня не знаете, — выговорил Громов. Ему самому показалось, что голос принадлежит кому-то другому. — Звоните в пять сорок утра и говорите со мной о безопасности. Назовитесь.

— Нет необходимости, — мягко ответил мужчина. — Скоро мы с вами увидимся.

В трубке раздались короткие гудки.

Громов сидел на краю кровати, сжимая телефон обеими руками. По спине медленно стекала холодная капля пота. Он думал не о том, что сказать, а о том, сколько времени у него осталось.

«Скоро» могло означать час. Могло — десять минут. Люди, которые звонят в такой час и говорят «скоро», обычно уже стоят у подъезда.

Он поднялся. Колени хрустнули. Нащупал на стуле тёплый вязаный кардиган, натянул поверх майки, не сразу попав в рукава, и пошёл в кабинет, не включая свет.

Он знал квартиру на ощупь. Две комнаты, коридор длиной в шесть шагов, кухня с жёлтыми занавесками, которые когда-то повесила Лидия. С тех пор он так и не решился их заменить. Кабинет был его настоящим домом. Здесь пахло бумажной пылью, старым табаком, от которого Громов отказался двенадцать лет назад, но запах которого до сих пор держался в книгах, и остывшим чаем в кружке с отбитой ручкой.

Он зажёг настольную лампу. Жёлтый круг света выхватил из темноты письменный стол, заваленный бумагами, сейсмограммами и распечатками, а также стеллаж вдоль стены, забитый папками до самого потолка. В углу, за шкафом, стоял небольшой серый сейф.

Громов опустился перед ним на колени. Суставы отозвались болью. Пальцы дрожали так сильно, что дважды он набрал код неправильно. На третий раз замок щёлкнул.

Внутри лежали три картонные папки, перетянутые резинкой, флеш-накопитель в пластиковом чехле и тонкая тетрадь в клеёнчатой обложке. Он достал всё и, не поднимаясь с колен, принялся разбирать бумаги.

Листы пожелтели, стали хрупкими, края обтрепались. Это были копии, сделанные когда-то на огромных копировальных машинах, о которых нынешние лаборанты уже и не помнили. На первой странице верхней папки стоял выцветший, но ещё читаемый гриф: «Особой важности. Экз. № 2».

Оставлять документы было опасно. Их следовало сжечь, причём как можно быстрее. В жестяной коробке из-под печенья на подоконнике лежали спички. Громов зажёг одну. В полутёмном кабинете вспыхнул крошечный язычок пламени.

Он поднёс спичку к краю листа и на мгновение замер. Бумага потемнела, свернулась, занялась жёлтым огнём.

Тридцать лет он хранил эти листы. Перекладывал из одного тайника в другой и повторял себе, что однажды найдётся человек, которому можно будет всё рассказать. Но такого человека так и не нашлось. Или он появился слишком поздно.

Громов бросил горящий лист в пустую металлическую корзину и принялся отправлять в огонь страницу за страницей. Дым поднимался к потолку тонкой серой лентой. Запах горелой бумаги заполнил комнату. Громов закашлялся и приоткрыл окно. Ночной воздух ударил в лицо сыростью и холодом.

Он работал быстро, но без суеты. Руки, как ни странно, перестали дрожать, едва он занялся делом. Это было знакомо ему по полевым выходам: страх сильнее всего в ожидании. Когда начинаешь действовать, становится легче.

Страница, ещё одна. Сложенные вчетверо схемы с красными пометками. Фотография группы людей на фоне деревянного барака. Громов узнал себя, молодого, с густой чёрной шевелюрой, и двух мужчин рядом. На одном из лиц он задержал взгляд. Всего на секунду. Потом бросил снимок в огонь.

Оставалась тетрадь. Её он решил сохранить.

Громов достал телефон. Сообщение нужно было написать быстро, и он знал кому. Имя сидело в памяти, как заноза: Вера Соколова.

Когда-то, лет пятнадцать назад, она пришла к нему на кафедру в клетчатой рубашке и с огромным рюкзаком. Сказала, что хочет заниматься сейсмологией, потому что земля под ногами всегда казалась ей живой. Громов тогда улыбнулся: слишком романтично для науки. Но Вера оказалась лучшей студенткой за всю его преподавательскую жизнь.

Позже они поссорились. Тогда ему казалось, что из-за пустяка. Теперь он понимал: всё началось с её вопроса об отце, на который он не смог ответить. Десять лет они не разговаривали. Громов знал, что Вера всё ещё живёт в Мурманске. Её номер он никогда не удалял.

Пальцы медленно набирали буквы. Каждое слово приходилось взвешивать, будто патрон. Что написать женщине, которой не звонил десять лет? Женщине, которая, скорее всего, его не простила и, возможно, была единственным человеком в стране, способным понять то, что он обнаружил?

Длинное сообщение отправлять нельзя: времени не хватит. Подробности могут перехватить. Нужна короткая фраза, после которой она сама начнёт искать ответы.

Он напечатал: «Они проснулись раньше времени».

Громов долго смотрел на эти четыре слова. Курсор мигал. Сигнал, повторявшийся каждые семнадцать минут и сорок три секунды, появился три недели назад. Громов понял его смысл ещё в первую ночь, когда вручную пересчитал интервалы карандашом на обороте старой распечатки.

Теперь он отправлял Вере эти слова, словно писал завещание.

В прихожей щёлкнул замок.

Громов замер. Это был не звонок и не стук, а тихий, аккуратный, почти деликатный щелчок. Так отпирают дверь люди, у которых есть ключ. Или те, кому ключ не нужен.

Громов не оглянулся. Нажал «Отправить». Маленькая стрелка поползла по экрану, затем появилась серая надпись: «Доставлено».

Он сунул телефон в карман кардигана, схватил тетрадь и быстро оглядел комнату. Куда её спрятать? В сейф? Под стеллаж? За окно? Девятый этаж.

Он сунул тетрадь в щель между шкафом и стеной, туда, где годами копилась пыль и стояла забытая стремянка, затем выпрямился.

В дверном проёме кабинета стоял человек.

Громов не слышал его шагов. Мужчина был среднего роста, в тёмной куртке без опознавательных знаков, чёрных перчатках и тонкой шапке, натянутой почти до бровей. Лицо ничем не примечательное, из тех, что невозможно описать: ни шрамов, ни родинок, ни выразительных черт. Светлые, водянистые глаза смотрели равнодушно. В правой руке мужчина держал небольшой чёрный предмет. Громов не сразу понял, что это, хотя видел такие вещи в кино.

— Аркадий Борисович, — тихо произнёс незнакомец. Голос был тот же, что звучал в телефоне. — Вы меня не послушали.

— Я старый человек, — ответил Громов. Неожиданно для себя он говорил почти спокойно. — Мы редко слушаем.

Мужчина чуть наклонил голову. Его взгляд скользнул по корзине, где догорали последние листы, по раскрытому сейфу, по столу.

— Где остальное?

— Остального нет.

— Профессор, — в голосе незнакомца прозвучало что-то похожее на усталое сожаление. — Давайте не будем тратить время.

Громов смотрел на него и вдруг почувствовал странную, почти умиротворяющую ясность. Он думал о Лидии. О жёлтых занавесках. О том, что в шестьдесят семь лет, пожалуй, не так страшно умирать, как страшно уйти, так и не успев ничего сказать.

Но он сказал. Четыре слова. Остальное сделает она.

Дым из корзины струился к потолку. За окном протяжно гудело судно, выходившее из порта. Низкий тоскливый звук напоминал стон огромного животного.

— Вы опоздали, — сказал Громов. — Они уже слышат.

В лице незнакомца что-то изменилось. Не страх. Скорее, тень внезапного внимания.

— Кто «они»? — спросил он.

Громов улыбнулся. Улыбка вышла кривой и усталой.

— Вот этого вы и не знаете. Правда?

Дальше всё произошло очень быстро и очень тихо.

***

Мурманск, Центр геофизических исследований. 08:15-09:30

Вера Соколова не любила утро. Она считала, что утро придумали люди, которым нечего скрывать. Настоящая работа начинается после обеда, когда мозг прогрет, а мир за окном перестаёт требовать объяснений. Но в Центре геофизических исследований утро начиналось в восемь, и никто, включая самых талантливых, не мог этого отменить.

Она вошла в здание в четверть девятого, и тяжёлая стеклянная дверь с хлопком выпустила её из мурманского ветра в тёплый, пахнущий кофе и пластиком вестибюль. Вера отряхнула с плеч мелкую морось, которая за двадцать шагов от парковки успела превратиться в ледяную крупу, и на секунду задержалась у зеркала в холле, не из тщеславия, а по привычке проверять, в каком виде она показывается миру.

Из зеркала на неё смотрела женщина тридцати двух лет, и Вера, как всегда, изучала её с лёгкой критической иронией. Тёмные густые волосы, чуть влажные от осадков, лежали на плечах тяжёлой волной. Зелёные глаза, ярко-зелёные, того оттенка, что бывает у морской воды над песчаным дном, были подведены совсем слегка, но достаточно, чтобы взгляд казался выразительнее. Черты лица точёные: высокие скулы, прямой нос, упрямый подбородок, который мама называла «папиным наследством». На ней было длинное тёмное пальто из хорошей шерсти, чёрная облегающая водолазка, узкие брюки и высокие кожаные сапоги на невысоком каблуке. Она всегда одевалась так, будто собиралась не в научный центр, а на встречу, где решается чья-то судьба. Коллеги шутили, что Соколова даже в тундре умудряется выглядеть так, будто ей вот-вот вручат премию. Вера на эти шутки не обижалась. Одежда была для неё бронёй, и чем хуже складывался день, тем тщательнее она выбирала цвета.

Сегодня день складывался странно. Утренний телефон она, как всегда, поставила на беззвучный режим и проверила его только в лифте. Там, среди рабочих уведомлений и очередной рассылки от банка, стояло сообщение, пришедшее в 05:52, с номера, который она не должна была помнить, но помнила:

«Они проснулись раньше времени».

Она прочла его ещё раз, потом третий. Лифт тащился на шестой этаж с натужным гудением, а Вера стояла, вцепившись пальцами в ремешок сумки, и пыталась понять, что чувствует. Удивление? Нет. Злость? Пожалуй, да, самую малость. Десять лет Громов не писал ей ни слова. Ни на день рождения, ни на Новый год, никогда она защитила докторскую. И вдруг эти четыре слова, без приветствия, без подписи, как телеграмма из другой эпохи.

Она набрала его номер. Длинные гудки. Потом механический голос сообщил, что абонент временно недоступен. Она позвонила ещё раз. И ещё. Потом написала: «Аркадий Борисович, что это значит? Позвоните». Сообщение осталось непрочитанным.

— Не пойму, чего я волнуюсь, — пробормотала она в пустой лифт. — Старый чудак. Хочет оставаться загадочным.

Но под ложечкой у неё появился холодок, и она знала его очень хорошо. Такой холодок возникал перед землетрясением. Нет, не перед самим толчком: за несколько секунд до него, когда приборы ещё молчат, а тело уже чувствует, что где-то под ногами копится напряжение.

Лифт звякнул. Вера вышла в коридор.

Сейсмический отдел занимал целое крыло шестого этажа. Узкий коридор с линолеумом цвета мокрого асфальта, двери с табличками, плакаты с разрезами земной коры, пожелтевшие от времени, и запах, который она бы узнала с закрытыми глазами: смесь нагретой электроники, дешёвого растворимого кофе и озона от старых мониторов. Из дальней комнаты слышался приглушённый гул вентиляторов серверной. Окна коридора выходили на залив, и сейчас за серой дымкой виднелись силуэты кораблей у причалов, похожие на спящих китов. Над портом

уже вставал бледный рассвет, но солнца не было видно: только мутное сияние, как за матовым стеклом.

В лаборатории анализа данных её ждал Олег, молодой аспирант, худой и рыжий, вечно сутулый. Он сидел перед тремя мониторами, держа в одной руке чашку с кофе, а в другой пирожок, и глаза у него были такие, будто он увидел привидение.

— Вера Андреевна, слава богу, — выпалил он, даже не поздоровавшись. — Я вас с семи жду. Звонил, вы не брали.

— Я была в душе, как нормальный человек, — сказала Вера, снимая пальто и вешая его на спинку стула. — Что случилось?

— Посмотрите на это.

Она подошла. На центральном мониторе была открыта запись со станции «Лопарь», небольшой сейсмической станции в сорока километрах от Териберки, расположенной рядом со старым заброшенным научным комплексом. Вера знала эту станцию: тихое, малоактивное место, где обычно регистрировалась только фоновая рябь да изредка далёкие толчки Исландии или Гиндукуша. Но сейчас на экране тянулась странная линия.

Это не было землетрясение. Землетрясение выглядит как внезапный рваный всплеск, который потом затухает, как эхо в колодце. А здесь были правильные, аккуратные импульсы, одинаковой формы, одинаковой амплитуды, как будто кто-то методично стучал по земной коре молотком.

— Это что, помеха? — спросила Вера, наклоняясь ближе. Её волосы упали вперёд, она машинально убрала их за ухо. — Взрывные работы в карьере?

— Нет. Я проверил, — Олег торопливо открыл другую вкладку. — Ближайший карьер в двухстах километрах. Это не он. Смотрите на интервал. Я накладывал отметки. Вот первый импульс. Вот второй. Между ними ровно семнадцать минут сорок три секунды. И так на протяжении двадцати двух суток.

Вера выпрямилась.

— Ровно?

— С точностью до миллисекунды, Вера Андреевна. Я думал, часы глючат. Взял данные с трёх разных станций. Везде одинаково. Но самое страшное не в этом.

— А в чём?

Он сглотнул.

— Внутри импульса есть структура. Я пропустил сигнал через спектральный анализ. Там не просто «тук». Там что-то есть. Какая-то последовательность. Как код.

Вера смотрела на монитор. За окном закричала чайка, резко, как будто её ударили. В лаборатории гудел кондиционер. Она почувствовала, как по спине пробежал знакомый холодок: тот самый, из лифта.

— Выведи спектрограмму.

Олег застучал по клавишам. На соседнем экране развернулся цветной график: оранжевые и голубые полосы, похожие на северное сияние, снятое сквозь воду. Вера придвинула стул и села, вглядываясь. Она работала с такими картинами годами, но то, что видела сейчас, не вписывалось ни в одну из её схем. Полосы не шумели, не расплывались, они складывались в рисунок. Не случайный, не хаотичный. Рисунок, у которого был ритм, как у музыки.

— Природа так не умеет, — тихо сказала она.

— Вот и я так подумал.

— Нужны архивы, — Вера потёрла переносицу. — Если станция «Лопарь» работает с девяносто второго, надо посмотреть, не было ли чего-то похожего раньше. Поднимай всё, что есть. Ночные записи, аварийные, всё.

— Я уже пробовал. В цифровом архиве пусто.

— Значит, бумажный.

Олег посмотрел на неё с суеверным ужасом.

— Бумажный? Вера Андреевна, там ещё ленточные регистраторы...

— Вот именно.

Через сорок минут они стояли в архивном зале на минус первом этаже. Это было длинное низкое помещение, похожее на склад: стеллажи до потолка, ряды серых картонных коробок, металлические шкафы с выдвижными ящиками. Здесь пахло старой бумагой, затхлостью и чем-то сладковатым, как в старых библиотеках. Единственная лампочка под потолком мигала, отбрасывая дрожащие тени. Вера шла вдоль рядов, проводя пальцами по корешкам, и вспоминала, что в детстве мечтала работать в таком месте, где хранятся все секреты мира, а теперь, когда мечта сбылась, ей хотелось поскорее выбраться на воздух.

Хранительница архива, сухонькая седая женщина лет семидесяти по имени Нина Захаровна, принесла ей три коробки с лентами сейсмографов восьмидесятых годов и ушла, шаркая тапочками и что-то бормоча о современной молодёжи.

Вера разложила ленты на широком столе под лампой. Тонкая бумага, исчерченная чернильными линиями, шуршала под пальцами. Она методично просматривала их одну за другой, сверяя даты по штампам. Восемьдесят пятый, восемьдесят шестой. Тихие годы. Обычные толчки, фоновые помехи.

Восемьдесят седьмой.

Она остановилась. Лента за октябрь восемьдесят седьмого года лежала в отдельной папке, перевязанной бечёвкой, и на ней была наклейка: «Станция Лопарь. Аварийная запись. Не для общего доступа». Вера развязала бечёвку. Лента выпала плавно, будто бы сама хотела быть прочитанной.

Она развернула её. Линии шли ровно, почти ровно, а потом возникали короткие всплески, одинаковой формы, через равные промежутки. Вера достала линейку, миллиметровку и калькулятор, и начала считать. Она считала три раза. Результат не менялся.

Семнадцать минут сорок три секунды.

Руки у неё стали холодными. Она положила линейку, отодвинулась от стола и несколько секунд просто сидела, прислушиваясь к собственному дыханию. В голове было удивительно тихо. Тридцать девять лет назад кто-то записал тот же самый сигнал. Тот же интервал. Та же форма. И этот кто-то спрятал запись в аварийную папку с пометкой «Не для общего доступа».

К ленте был приколот скрепкой сопроводительный лист. Вера взяла его двумя пальцами. Тонкая желтоватая бумага, машинописный текст, фиолетовый штамп с гербом. Несколько строк: дата, номер, название станции. А внизу, в графе «Составил», стояла подпись. Не печатная, а рукописная, размашистая, с наклоном вправо и характерным завитком на букве «С».

Она знала эту подпись.

Она знала её так же хорошо, как собственную. Она десятки раз видела её на открытках, на последней странице школьных дневников, на рецептах, которые мама хранила в коробке из-под конфет. Папа всегда писал заглавное «С» с таким вот завитком, как будто рисовал маленькую волну.

«А. Соколов».

Вера не заметила, как поднесла ладонь ко рту. Комната вдруг стала очень тесной. Ей показалось, что стеллажи придвинулись, что лампа над головой мерцает быстрее, что воздух стал густым и сладковатым.

Отец погиб, когда ей было девять. Это была единственная жёсткая точка в её детстве: человек, который выходил из дома в плаще и шляпе с портфелем и обещал вернуться к ужину, но не вернулся. Официально: несчастный случай в экспедиции. Никаких подробностей. Мама не рассказывала, а когда Вера подросла и начала задавать вопросы, мама просто закрывала глаза и качала головой. Вера выучилась не спрашивать.

Но папа был геофизиком. Папа работал на Севере. И папа никогда, ни разу, не упоминал, что был в экспедиции в восемьдесят седьмом, потому что в восемьдесят седьмом Вере не было и года.

— Вера Андреевна? — Олег, робко заглянувший в архив, застыл на пороге. — Вы в порядке?

Она медленно подняла голову. Лицо у неё было белое, а зелёные глаза казались почти чёрными.

— Скопируй всё, что здесь есть, — сказала она ровным голосом. — Сфотографируй каждую страницу. Никому не говори. Слышишь? Ни одной живой душе.

— Что вы нашли?

Вера аккуратно свернула ленту и убрала её в папку. Она пока не знала, как ответить на этот вопрос. Она знала только, что мир, в котором она проснулась сегодня утром, перестал существовать, и что человек, написавший ей четыре слова, не отвечает на звонки.

***

Мурманск, гостиница «Арктика». 11:00-12:10

К одиннадцати часам дождь со снегом сменился настоящим мартовским ветром, хотя на дворе стоял октябрь. Ветер шёл с залива широкими упругими волнами, раскачивал вывески, сбивал с ног прохожих и гнал по проспекту Ленина пустые пластиковые стаканчики. Вера шла к гостинице, придерживая воротник пальто, и думала о том, что ненавидит собственное любопытство.

Звонок раздался в десять сорок. Незнакомый мужской голос, низкий и спокойный, без эмоций, сказал: «Меня зовут Максим Орлов. Мне нужно с вами поговорить. Речь идёт об Аркадии Громове. Это срочно». Вера хотела сразу повесить трубку, но услышала собственное имя, произнесённое с едва заметной паузой, как будто собеседник знал, что оно значит. Она согласилась встретиться. Место выбрал он: кафе при гостинице «Арктика», где можно, по его словам, поговорить без лишних ушей.

Гостиница «Арктика» возвышалась над площадью Пять Углов, как огромный серый корабль, севший на мель в самом сердце города. Это было высокое здание советской постройки, шестнадцатиэтажное, из бетона и стекла, облицованное тусклыми плитками цвета мокрого песка. В нём было что-то величественное и нелепое одновременно. Старые часы над входом показывали неверное время, швейцар в потёртой форме дремал за стеклянной дверью, а внутри, в вестибюле, пахло мастикой для полов, кофе и чьими-то давними сигаретами, несмотря на запрет.

Вера вошла и остановилась. Вестибюль был огромный, с высоким потолком, украшенным лепными венками, с мраморными колоннами, потрескавшимися от времени. Под ногами лежала красная ковровая дорожка, вытертая посередине до блеска. На стенах висели советские картины: ледоколы, полярники, белые медведи. Круглые люстры давали тёплый, но тусклый свет. Где-то далеко звякала ложечка о чашку, и этот звук растекался по пустому залу, как капли по стеклу.

Кафе находилось в глубине, за стеклянной перегородкой. Вера прошла мимо стойки администратора, мимо старого, наглухо запертого пианино, и толкнула дверь.

Он сидел у дальнего окна, спиной к стене, лицом ко входу. Она отметила это сразу: так садятся люди, привыкшие видеть, кто входит. Поднялся он не сразу, а ровно в тот момент, когда она подошла вплотную. Ему было около тридцати восьми, высокий, выше неё на целую голову, с широкими плечами, обтянутыми тёмным свитером, с руками, на которых проступали жилы. Тёмные волосы коротко стрижены, на подбородке и щеках лёгкая небритость, не небрежная, а скорее нарочитая, как у человека, у которого просто не нашлось времени. Серые глаза, ясные, холодные, как вода на рассвете, смотрели на неё внимательно, не мигая. В них не было ни приветливости, ни враждебности: только оценка. Вера поймала себя на том, что тоже оценивает его. На нём всё сидело безупречно: куртка, перекинутая через спинку стула, тёмные джинсы, ботинки с толстой подошвой. Ничего лишнего. Ни часов на запястье, ни цепочек, ни колец. Лицо резкое, с твёрдым подбородком и сломанным когда-то носом, с тонким шрамом над левой бровью.

— Вера Андреевна, — сказал он. Голос был тот же, что в трубке: низкий, ровный. — Спасибо, что пришли.

— Не понимаю, чему вы благодарны, — отозвалась Вера, не садясь. — Вы позвонили мне и упомянули профессора Громова. Говорите.

— Присядьте.

— Я постою.

Максим чуть заметно усмехнулся уголком рта, и эта усмешка сделала его лицо на секунду почти человеческим.

Как хотите.

Он остался стоять тоже, и они оба некоторое время смотрели друг на друга через стол, как два противника перед началом поединка. Официантка принесла чайник и две чашки и, почувствовав напряжение, поспешно исчезла. За окном ветер гнал по площади мокрые листья, и в стёклах дрожали отражения фонарей.

— Аркадий Борисович Громов погиб сегодня утром, — сказал Максим.

Он произнёс это просто, без подготовки и смягчения. Вера не пошевелилась. Только пальцы, лежавшие на спинке стула, сжались так, что побелели костяшки.

— Что?

— Его нашли соседи в начале восьмого. Дверь была приоткрыта. Официальная версия: ограбление, но ничего не пропало, кроме бумаг. Квартиру перевернули. Сейф был вскрыт. В кабинете горел мусорный контейнер. Бумаги сжигали, но не успели закончить.

Вера почувствовала, как в ушах нарастает тонкий звон. Она опустилась на стул, не заметив этого. Громов. Высокий, сутулый, с вечно растрёпанной седой головой, с вечным запахом табака и чая. Человек, который учил её читать сейсмограммы, как читают стихи. Человек, с которым она не разговаривала десять лет и которому только сегодня утром собиралась позвонить.

— Он написал мне, — тихо сказала она. — Утром. Без десяти шесть.

— Я знаю.

— Откуда?

— Потому что следователь вскрыл его телефон и нашёл отправленное сообщение. А сообщение пришло на номер, который я уже знал.

— Кто вы такой? — спросила Вера, и голос у неё дрогнул, не от страха, а от того, что она начинала злиться. — Следователь? Полицейский?

— Бывший офицер, — ответил Максим. — Сейчас консультирую научные экспедиции по вопросам безопасности. Профессор Громов был моим клиентом. Три недели назад он нанял меня. Сказал, что ему может понадобиться защита, и что в случае его гибели я должен найти вас.

Вера смотрела на него, пытаясь понять, лжёт он или нет. Его лицо ничего не выдавало. Лицо человека, привыкшего скрывать, думала она. Хорошего человека или плохого, определить невозможно.

— Он никогда не нанимал охранников, — сказала она. — Он ненавидел чужих людей в доме.

Люди меняются, когда им страшно.

— Чего он боялся?

— Именно это мне и предстоит выяснить. — Максим достал из внутреннего кармана куртки плоскую папку и положил её на стол. — Но я хочу, чтобы вы кое-что увидели.

Он раскрыл папку. Внутри лежала старая чёрно-белая фотография, с загнутыми уголками, с пятном от кофе в нижней части. Вера наклонилась и взяла её осторожно, двумя пальцами, как берут бабочку.

На снимке была группа людей, человек десять, на фоне бревенчатого барака с покосившейся антенной. Кто-то в ватниках, кто-то в меховых шапках, все щурились от яркого света. На заднем плане стояли горы, а точнее, невысокие скалистые гряды, тундра, лишайник, ледяная вода. Внизу на белой кромке было что-то написано от руки, но почти стёршееся: «Лопарь. Авг. 1987».

— Это Аркадий Борисович, — сказал Максим, указывая на молодого человека слева. — А вот этого вы знаете?

Вера не сразу поняла, на кого он показывает. Она вглядывалась, и в какой-то момент лицо одного из мужчин на заднем плане, у края кадра, наполовину прикрытое тенью, стало вдруг

понятным, живым, родным. Высокий лоб. Прямой нос. Густые брови. Лёгкая, чуть насмешливая улыбка, одним уголком, как будто он только что услышал шутку и не хочет выдавать, что смеётся.

Это был её отец.

Мир сузился до размеров фотографии. Всё остальное: кафе, ветер, звон посуды, даже сидящий напротив человек, ушло в тень. Она смотрела на лицо, которое помнила смутно, как помнят сон, а он смотрел на неё из августа восемьдесят седьмого, молодой, живой, с ямочкой на щеке.

— Это папа, — выговорила она и сама не узнала свой голос.

— Я так и думал.

— Откуда она у вас?

— Лежала в сейфе Громова, в отдельном конверте. Сверху надпись: «Для Веры». Следователи конверт не заметили. Я забрал его раньше.

— Вы вломились в квартиру?

— Я приехал первым, — спокойно сказал Максим. — Дверь уже была открыта. Скажем так: я оказался внимательнее остальных.

Вера подняла на него глаза. Ей хотелось закричать, потребовать документы, вызвать полицию, но она понимала, что не сделает этого. Потому что этот человек говорил правду. Или умел так говорить. Она потёрла виски. Голова гудела.

— Папа никогда не говорил о Лопари, — медленно произнесла она. — Он не мог быть там в восемьдесят седьмом. Мама говорила, что он работал в Новосибирске.

— Возможно, ваша мама не знала.

— Или знала и молчала.

Они оба замолчали. Чайник на столе тихо остывал, над ним поднимался пар. С улицы донёсся резкий, как выстрел, хлопок: упал с крыши кусок обледенелой жести. Вера вздрогнула.

— Вы нервничаете, — заметил Максим.

— Мне только что сказали, что человек, которого я уважала больше всех в жизни, убит. И показали фотографию моего мёртвого отца в месте, где он не мог быть. Да, мне, представьте, немного неуютно.

Она ожидала, что он ответит чем-нибудь формальным, как отвечают на такие вещи в кино: «Примите соболезнования». Но Максим молчал. Потом сказал совсем тихо:

— Мне жаль. По-настоящему.

Вера на секунду увидела в его лице что-то другое: не маску профессионала, а живого человека, который тоже кого-то терял. Но уже в следующий миг выражение исчезло, и он снова стал тем же сдержанным мужчиной с холодными серыми глазами.

— Что вам нужно от меня? — спросила она.

— Громов хотел, чтобы вы продолжили то, что он начал. Что именно, он не рассказал. Но он сказал мне одну вещь. — Максим сделал паузу. — Он сказал: «Если со мной что-то случится, найдите Веру. Только она сможет услышать».

— Услышать, что?

— Не знаю, — признался он. — Но, думаю, вы уже начали.

Вера вспомнила спектрограмму на экране, правильные оранжевые полосы, похожие на ритм музыки. Вспомнила ленту восемьдесят седьмого года с подписью «А. Соколов». Она молчала, потому что не хотела делиться этим с человеком, которого видела полчаса.

— Мне нужно время, — сказала она, поднимаясь.

— Вам нельзя быть одной, — ответил Максим. — Люди, которые убили Громова, не остановятся.

— Откуда вы знаете, что это убийство?

— Потому что он написал вам четыре слова, а потом не успел написать пятое.

Вера остановилась у двери. Она обернулась. Максим стоял у окна, высокий, неподвижный, на фоне серого мурманского неба, и в его позе было что-то усталое и упрямое одновременно. Она подумала, что не хотела бы встретить такого человека ночью в подворотне. А ещё подумала, что в этом человеке есть что-то, чему она, к собственному неудовольствию, хочет довериться.

— Я свяжусь с вами, — сказала она. — Дайте номер.

Он протянул визитку. Простая белая карточка, только имя и телефон. Вера сунула её в карман пальто.

— И, Вера Андреевна, — добавил он. — Не пользуйтесь своим телефоном для того, что действительно важно.

***

Мурманск, архив научно-исследовательского института. 14:30-16:00

Здание научно-исследовательского института стояло на окраине города, за промзоной, в окружении ржавых гаражей и пустырей, заросших полярной берёзкой и бурьяном. Это было одно из тех мест, мимо которых проезжают, не замечая: четыре этажа серого кирпича, окна с решётками, шлагбаум у въезда и одинокая будка с вахтёром. Над крышей торчали старые антенны, перекошенные, обросшие инеем, как рога окаменевшего зверя.

Вера и Максим подъехали на его машине, потёртом чёрном внедорожнике с тонированными стёклами. Всю дорогу они молчали. Вера смотрела в окно: за стеклом проплывали кварталы хрущёвок, гаражные кооперативы, заправка, рекламный щит с выцветшей улыбающейся семьёй. Ветер швырял в лобовое стекло мокрый снег. Дворники скрипели монотонно. Максим вёл спокойно, не торопясь, и то и дело бросал взгляд в зеркало заднего вида. Вера заметила это и промолчала.

У шлагбаума их встретил вахтёр, тучный мужчина лет шестидесяти в потрёпанной форме. Он долго изучал удостоверение Веры, потом позвонил кому-то, потом долго слушал, кивая, и наконец поднял шлагбаум.

— Архив в подвале, — буркнул он. — Спросите Анну Ильиничну.

Подвал института был похож на катакомбы. Длинный коридор с низким потолком, выкрашенные в жёлтый цвет стены, с которых отслаивалась краска, трубы, обмотанные тряпками, тусклые лампы в проволочных плафонах. Воздух пах сыростью, плесенью и пылью, холодный, неподвижный, давящий. Вера шла, чувствуя, как шаги отдаются эхом, и ей казалось, что кто-то идёт следом, повторяя каждый звук с небольшой задержкой. Она оглянулась. За ней шёл только Максим, и его шаги, тяжёлые и размеренные, звучали ровно.

— Вы всегда так ходите? — спросила она, чтобы разрядить тишину.

— Как?

— Как будто боитесь что-то разбудить.

— Привычка.

Архивариус, Анна Ильинична, оказалась маленькой, очень прямой старушкой с лицом, похожим на печёное яблоко. Она сидела за конторкой в окружении картотечных ящиков, в вязаной жилетке, с очками на цепочке, и смотрела на посетителей так, будто они пришли просить у неё денег.

— Что вам нужно? — спросила она без приветствия.

— Документы по экспедиции на станцию «Лопарь», восемьдесят седьмой год, — сказала Вера.

Лицо старушки не изменилось, но пальцы, лежавшие на конторке, едва заметно дрогнули.

— Такой экспедиции не было.

— Есть сопроводительный лист с подписью. Я нашла его в Центре геофизики.

— Значит, ошибка. Бывает.

— Анна Ильинична, — вступил Максим. Голос у него был мягкий, но под мягкостью чувствовалась сталь. — Мы не хотим вам навредить. Нам нужны только журналы регистрации за восемьдесят шестой, восемьдесят седьмой и восемьдесят восьмой годы. Без выноса. Мы просто посмотрим.

Старушка смерила его взглядом.

— Вы из органов?

— Нет.

— Тогда тем более странно.

Но она встала, ворча, и повела их вглубь архива. Зал оказался огромным, гораздо больше, чем можно было предположить снаружи. Стеллажи тянулись вдаль рядами, уходили в темноту, и конца им не было видно. Лампы горели только над центральным проходом, а по бокам лежал густой полумрак, пахнущий картоном и забвением. Вера шла, ощущая на коже холодное дыхание подвала, и думала о том, сколько тайн хранят эти полки, и сколько из них никто никогда не прочтёт.

Анна Ильинична остановилась у одного из стеллажей, провела пальцем по корешкам и вытащила три тяжёлых журнала в коленкоровых переплётах. Положила на деревянный стол под зелёной лампой.

— Здесь, — сказала она. — Смотрите. Но если спросят, я вас не видела.

Она ушла, шаркая, и вскоре её шаги растворились в тишине.

Вера и Максим склонились над журналами. Страницы были плотные, исписанные синими чернилами, с датами и номерами, с подписями и печатями. Вера листала быстро, и под её пальцами шуршала бумага. Она искала октябрь восемьдесят седьмого. Максим стоял рядом, плечом к плечу, и она чувствовала исходящее от него тепло, и запах кожи и дождя. Это отвлекало. Она рассердилась на себя и сосредоточилась.

— Смотрите, — сказал он вдруг.

Он указал на страницу. Вера придвинулась. Записи в журнале шли аккуратными столбцами: дата, наименование документа, номер, подпись принявшего. Но вот в одном месте, посередине страницы, строки были вырезаны. Аккуратно, острым лезвием, ровными прямоугольниками, как вырезают купоны. Три записи, одна за другой, исчезли, оставив в бумаге пустые окошки.

— Кто-то зачищал, — тихо сказала Вера.

— И плохо. — Максим достал из кармана маленький фонарик и посветил на страницу под острым углом. — Смотрите на следующий лист. Вы видите вмятины?

Вера всмотрелась. На следующей странице, там, где ручка нажимала сильнее, остались едва заметные следы, борозды в бумаге, слабое отпечатавшееся эхо удалённых строк. Она взяла карандаш и начала осторожно штриховать бумагу, как делала в детстве, расшифровывая отпечатки на тетрадных листах. Постепенно из серой штриховки проступили буквы.

«Экспедиция "Грань". Состав группы:...»

Дальше шло несколько слов, которые не удавалось разобрать, потом цифры, потом снова буквы.

— «Грань», — повторила Вера. — Что это?

— Не знаю. — Максим нахмурился. — Но название я слышал. Один раз. Очень давно.

Она подняла на него глаза.

— Где?

Он помолчал секунду дольше, чем следовало.

— Неважно. Продолжайте.

Вера хотела настоять, но не стала. Она вернулась к журналу и продолжила штриховать. Карандаш скрипел по бумаге, и в тишине подвала этот звук казался оглушительным. Рядом с ней работал Максим: он перелистывал соседний журнал, держа фонарик в зубах, быстро проглядывая столбцы. Время шло. Над головой, где-то в недрах института, глухо стукнула дверь. Потом тишина. Потом снова.

— Здесь, — сказал он наконец, вынув фонарик изо рта.

Он указывал на строчку в журнале регистрации допусков, внизу страницы, мелким почерком. Вера подалась вперёд.

«12.10.1987. Допуск в лабораторию №4 (объект "Лопарь"). Выдан сотрудникам в количестве 4 чел. Список приложен. Ответственный: Северцев В. А.»

— Северцев, — прошептала Вера. — Виктор Северцев. Это академик. Он руководит... — Она осеклась.

— Чем?

— Он руководит экспедициями. Мы с ним пересекались на конференции три года назад. Он очень известный человек.

— Тем интереснее, — сказал Максим.

Вера скользила взглядом ниже. Список приложен, но самого списка в журнале не было: страница, на которой он должен был лежать, оказалась вырвана. Остался только корешок, ровный, чистый, как срез. Но чуть выше, в записи о выдаче, шла строка из списка допущенных. Одна-единственная, пропущенная при зачистке, потому что находилась в сноске, мелкими буквами на полях.

Она прочитала её раз. Потом ещё раз. Потом опять.

Это было совсем короткое имя, написанное чёрными чернилами, твёрдым чётким почерком. Три слова.

«Соколов А. А., зав. сектором».

У Веры помутнело в глазах. Она вцепилась в край стола, чтобы не упасть. Ничего в мире не изменилось: так же гудела лампа, так же пахло плесенью, так же стоял рядом Максим. Но у неё внутри что-то лопнуло, как лёд под ногой.

— Вера, — сказал он, и она вдруг поняла, что он называет её просто по имени, без отчества. — Дышите.

Она сделала вдох. Выдох. Потом ещё.

— Это он, — выговорила она. — Мой отец. Андрей Александрович Соколов. Зав. сектором.

— Но официально, — произнёс Максим, — такого человека в институте никогда не было. Я проверял. В кадрах нет личного дела. В бухгалтерии нет ведомостей. Нигде нет.

— Как это возможно?

— Не знаю. Но кто-то очень постарался, чтобы его не существовало.

Они стояли в полутьме подвала, плечом к плечу, и между ними лежал раскрытый журнал, на котором чернела короткая строчка. Вера медленно провела пальцем по бумаге, и ей показалось, что чернила ещё чуть влажные. Она почувствовала, как слёзы подступают к горлу, и разозлилась на себя за слабость. Нельзя сейчас. Нельзя.

Над ними, в глубине здания, что-то глухо стукнуло, потом ещё раз, потом пронзительно закричала женщина.

Максим выключил фонарик. Тьма сомкнулась мгновенно, густая, чёрная, пахнущая бумагой.

— Тихо, — прошептал он у самого её уха. — Не двигайтесь.

Где-то в проходе между стеллажами послышались шаги. Медленные, осторожные. Они приближались.

***

Мурманск, квартира Веры. 22:10-23:40
Домой она добралась только к десяти.

Они ушли из архива через чёрный ход, через пожарную лестницу, спускающуюся во двор, где в ржавых баках горели чьи-то костры, а на сугробах лежал оранжевый свет. Максим вёл её за руку, быстро, не оглядываясь, и в какой-то момент она поймала себя на том, что не вырывается. Рука у него была тёплая, жёсткая, сухая, с мозолями на ладони. Они сели в машину, и он, не включая фар, вырулил на дорогу, и только через два квартала зажёг огни.

Кто стоял в проходе между стеллажами, они так и не узнали. Шаги затихли, а потом хлопнула дверь, и всё смолкло. Анна Ильинична, когда они вернулись за журналами, сидела за своей конторкой с остекленевшим взглядом и твердила, что никого не видела и ничего не слышала. Журналы к тому времени пропали со стола. Все три.

Максим отвёз её домой и проводил до подъезда. Остановился, посмотрел наверх, на её окна, потом на неё.

— Заприте дверь. Не открывайте никому. Если что-то покажется странным, звоните сразу. Не пишите, а звоните.

— Вы всегда такой драматичный? — спросила она, пытаясь пошутить, но получилось плохо.

— Нет, — серьёзно ответил он. — Обычно я гораздо хуже.

Он ушёл, а она ещё несколько секунд стояла на тротуаре, провожая взглядом его широкую спину, исчезающую в мокрой темноте.

Её квартира находилась на пятом этаже девятиэтажного дома в тихом районе, недалеко от Семёновского озера. Две комнаты, небольшая кухня, узкий балкон, с которого летом, в короткие светлые недели, открывался вид на сопки. Вера купила её шесть лет назад, на деньги от гранта и от продажи маминой квартиры в Новосибирске, и обставляла не спеша, придирчиво, подбирая каждую вещь. Тёмный деревянный стол. Серый диван. Лампы с тёплым светом. Книжные полки, заставленные атласами, словарями и томиками стихов. На стене большая карта Кольского полуострова, исчерченная цветными булавками. Это было её убежище, место, куда не пускали работу и чужие голоса.

Сегодня оно казалось чужим.

Вера повесила пальто, разулась, прошла в кухню и налила себе чаю. Включила чайник, постояла у окна. За стеклом была чёрная ночь с редкими жёлтыми огнями. Дома напротив казались декорациями, вырезанными из тёмного картона. В окнах светились люди: кто-то смотрел телевизор, кто-то ужинал, на третьем этаже мужчина ходил по комнате с ребёнком на руках. Обычная жизнь. Невероятно далёкая.

Она думала о том, что узнала за день. Отец. Лопарь. Восемьдесят седьмой. «Грань». Северцев. Громов, мёртвый в собственной квартире. Четыре слова. Она не ощущала, что плачет, пока слеза не упала на столешницу.

Вера вытерла лицо рукавом, зло, быстро, как ребёнок. Нельзя раскисать. Она никогда не позволяла себе слабости, ни при смерти мамы, ни при разрыве с Андреем, ни тогда, когда рухнул её первый крупный проект. Она умела держать себя в руках, потому что с девяти лет знала: если не держишь себя ты, никто не подержит.

Чайник вскипел. Она налила кипяток в кружку, бросила пакетик, села за стол и открыла ноутбук. Сначала почта: пусто. Потом папка с фотографиями записей, которые снял Олег. Она разглядывала их до рези в глазах, увеличивала, сравнивала. Ничего нового.

В половине одиннадцатого пришло письмо.

Адрес отправителя состоял из случайных символов. Тема отсутствовала. В теле письма: ни слова, только вложение: аудиофайл, небольшой, в формате wav, с названием «V.mp».

Вера смотрела на него несколько секунд. Максим предупреждал: не открывать ничего подозрительного. Но она была учёным, а любопытство у учёных сильнее инстинкта самосохранения. Она отключила интернет, запустила файл в изолированной программе и надела наушники.

Сначала был шум. Низкий, ровный, как дыхание огромного зверя, то нарастающий, то стихающий. Потом хруст, потом тишина. И потом голос.

Мужской голос. Негромкий, усталый, с лёгкой хрипотцой. Он звучал так, словно говорящий находился в большой пустой комнате, и каждое слово отдавалось гулким эхом.

— Вера, если ты это слышишь, значит, они снова открыли дверь.

Она перестала дышать.

Голос продолжал:

— Прости. Я не мог сказать тебе раньше. Всё, что ты узнала до сих пор, ложь. Всё, что я тебе обещал, правда. Помни, что я говорил в тот вечер, когда мы ловили светлячков у озера. Помнишь? Что бы ни случилось, ты не одна.

Вера сорвала наушники. Руки тряслись так сильно, что она не сразу попала по клавише. Сердце билось у горла, толчками, больно, как будто хотело выскочить. Она смотрела на экран, а на экране мигала зелёная полоска воспроизведения, и тишина в комнате стала такой плотной, что в ней отчётливо слышалось собственное дыхание.

Она узнала голос. Это был её отец.

Она не слышала его двадцать три года. Сперва голос стёрся из памяти, как стирается запах любимого свитера. Потом остались только слова, которые он говорил: «Ты у меня умница», «Не бойся темноты», «Я скоро вернусь». Она хранила эти слова, как хранят осколки. Но никогда, ни разу, не слышала, как звучит этот голос на самом деле. И теперь он вернулся, живой, дрожащий, настоящий.

Светлячки. Озеро. Ей было шесть. Папа взял её на дачу, в начале лета, когда ночи ещё светлые, и они лежали на траве, и он показывал на крохотные зелёные огоньки среди травы и говорил: «Смотри, Верунь, это маленькие звёзды, которые решили пожить на земле». Она запомнила эту фразу, запомнила запах мокрой травы, тёплый папин свитер. Об этом знали только двое. Она и он. Мама в ту ночь осталась в доме. Никому, ни единому человеку на земле, она не рассказывала о светлячках.

Вера снова надела наушники. Включила запись с начала. Теперь она слушала не слова, а звук: как он дышит, как тянет гласные, как делает короткие паузы. Эхо. Низкий фон. Едва заметный ритмичный стук где-то на заднем плане, стук, который она сначала приняла за помеху.

Она остановила запись и открыла анализатор спектра. Вывела дорожку на экран. Оранжевые и голубые полосы. Она увеличила нижний диапазон, туда, где человеческое ухо ничего не слышит. И увидела.

На заднем плане, под голосом отца, шла последовательность коротких импульсов. Равномерных. Одинаковых.

Она выделила один период. Один промежуток между импульсами. Посчитала.

Семнадцать минут сорок три секунды, сжатые в запись длиной в одну минуту, как складывают карту. Но пропорции сохранялись. Ритм был тем же.

— Папа, — прошептала она. — Что ты сделал?

Запись закончилась. Последний звук, который она услышала, был не словом, а вздохом. Долгим, тяжёлым, как у человека, который прощается. Потом снова зашумело, а потом всё затихло.

Вера сидела неподвижно, глядя на потухший монитор. В комнате горела только настольная лампа, и её тёплый круг света дрожал, как будто невидимая рука качала ламповый шнур. Вера медленно подняла глаза. Лампа не качалась. Это дрожало что-то внутри неё.

Она встала, подошла к окну. Мокрый снег прекратился. Над сопками, в разрыве облаков, мерцали звёзды: редкие, ледяные, острые. Небо было прозрачным и страшным. Она положила ладонь на холодное стекло и подумала о маленьких зелёных огоньках в траве.

За спиной щёлкнул выключатель.

Вера обернулась. Лампа на столе погасла. Погас экран ноутбука. Погас индикатор на чайнике, потухли диоды на роутере. В прихожей что-то тихо хлопнуло, и вся квартира, мгновенно, без предупреждения, провалилась в густую, вязкую темноту.

Она осталась стоять у окна, не двигаясь. Её глаза, не успевшие привыкнуть, различали только смутные очертания мебели и красные огоньки на стенах от дальних фонарей. Дом напротив был освещён. Окна горели жёлтым. Свет отключился только у неё.

В тишине, плотной и мёртвой, послышался едва уловимый звук. Он шёл не из прихожей, не с лестницы, не из-за окна. Он шёл снизу. Из самого пола, из бетонных перекрытий, из глубины земли под домом. Тихий, равномерный, глухой: тук. Пауза. Тук. Пауза.

Вера прижала ладонь к груди и поняла, что считает.

День второй. Мёртвая станция

Мурманск, аэропорт. 06:30-08:00

Дорога в аэропорт заняла сорок минут, и всё это время Вера держала на коленях тетрадь в клеёнчатой обложке, как держат на руках спящего ребёнка: осторожно, обеими ладонями, боясь шевельнуться.

Ночь прошла так, что слово «ночь» к ней почти не подходило. Свет в квартире вернулся сам, в одиннадцать минут четвёртого: щёлкнул где-то в прихожей автомат, загудел холодильник, мигнул и загорелся экран ноутбука, и в этом внезапном возвращении обыденности было что-то оскорбительное, как будто кто-то нарочно показал ей, что может отнять и вернуть всё, что угодно, по своему желанию. Стук прекратился раньше, в семнадцать минут первого. Она запомнила это точно, потому что в ту минуту стояла посреди тёмной кухни, прижавшись спиной к холодной стене, и считала паузы, и вдруг сбилась: паузы кончились. Просто кончились, как кончается дождь.

Максим приехал через шесть минут после её звонка. Она набрала номер с белой визитки дрожащими пальцами, при свете экрана телефона, и сказала только: «Здесь стучат». Он не стал расспрашивать. Когда она открыла дверь, он стоял на площадке в тёмной куртке, с каплями талого снега на плечах, и в руке у него был небольшой фонарь, которым он светил не ей в лицо, а в пол, чтобы не слепить. Он вошёл, прислонил ладонь к бетону у порога, потом к стене, потом опустился на корточки посреди гостиной и несколько секунд сидел совершенно неподвижно, закрыв глаза, как слепой, слушающий музыку. Потом спустился этажом ниже, вскрыл, не сказав ни слова о том, как это делается, замок пустой квартиры соседей, уехавших на юг, и вернулся через двадцать минут. «Ничего, — сказал он. — Голые стены, пыльная мебель под простынями. Нет ни труб, ни проводки, которые могли бы так стучать». Он сказал это ровным голосом, но она заметила, что он снова и снова потирает большим пальцем шрам над левой бровью, и поняла, что ему не по себе. Просто он умеет не показывать.

Остаток ночи он просидел на кухне, на жёстком стуле, спиной к стене, лицом к двери, с выключенным светом и остывшим чаем. Она ушла в комнату и легла на диван не раздеваясь, уверенная, что не заснёт, и заснула мгновенно, провалилась, как в колодец. А когда открыла глаза, на ней лежал плед, которого она не доставала, а в окне серела мокрая, злая заря.

Около четырёх он ушёл. «Мне нужно кое-что забрать, пока не поставили печать, — сказал он в дверях. — Запритесь». Вернулся в начале шестого. Положил на кухонный стол завёрнутый в пластиковый пакет прямоугольник и сказал:

— Это лежало за шкафом в кабинете. В щели между стеной и стеллажом, за стремянкой. Следователи искали в сейфе, в столе, под ковром. Никто не подумал заглянуть туда, где пыль.

— Откуда вы знали, где смотреть?

— Он был аккуратным человеком, — ответил Максим. — Только в одном месте на плинтусе пыль была стёрта. Свежо. Как будто что-то прятали в спешке. Печать на дверь поставили в шесть утра, а я вошёл в два ночи. У меня был ключ. Он дал мне его три недели назад.

Она развернула пакет. Тетрадь была обычная, в сорок восемь листов, с клеёнчатой обложкой цвета высохшей тины, потёртой на углах до серой ткани. Такие в её детстве продавались в любом канцелярском магазине по двадцать копеек. Она открыла её на первой странице и сразу узнала почерк: мелкий, острый, прыгающий, с наклоном влево, с перечёркнутыми семёрками. Почерк, которым Громов исписал сотни полей её курсовых.

Страница за страницей шли цифры. Колонки частот, пометки красным карандашом, столбцы времён, схемы расположения датчиков. На одном листе была нарисована от руки

карта, грубая, с кружками и стрелками: пунктирная линия, овал озера, косой крест, рядом подпись «С-12». На последнем исписанном листе Громов вывел крупно, нажимая так, что бумага продавилась: «Не отвечай, пока не поймёшь, кто спрашивает». Эту фразу она перечитала три раза и ничего не поняла.

Звонок раздался в двадцать минут шестого. Незнакомый номер, московский код. Максим, стоявший у окна, повернул голову. Вера взяла трубку и сказала «слушаю» тем голосом, которым говорила с назойливыми рекламщиками.

— Вера Андреевна, доброе утро. Это Виктор Северцев.

Она не ответила сразу. Академика Северцева она видела три года назад на конференции в Санкт-Петербурге: высокий седой человек, которого окружали люди, как окружают дорогую картину в музее: на почтительном расстоянии и с благоговейным шёпотом. Фамилия «Северцев В. А.» стояла вчера в пожелтевшем журнале регистрации против слов «Ответственный».

— Слушаю вас, Виктор Андреевич.

— Виктор Александрович, — мягко поправил он. — Впрочем, не важно. Я знаю о Громове. Знаю и о вашей ночи. Не спрашивайте, откуда; спросите лучше, почему я говорю вам это по незащищённой линии. — В трубке чуть зашуршало, как будто он поправлял воротник. — Я прилетаю сегодня в шесть тридцать. Мне нужно встретиться с вами лично. Речь идёт об экспедиции, и, думаю, вы уже догадываетесь, о какой.

— Я не догадываюсь, — сказала Вера. — Я ничего не знаю. И это начинает мне надоедать.

— Тогда приезжайте и спросите всё, что хотите.

Он повесил трубку первым. Она посмотрела на Максима. Тот ничего не сказал, только скулы напряглись.

— Он знает про ночь, — сказала она.

— Или он её устроил.

— Вы всегда видите худшее?

— Я вижу все возможные варианты, — ответил он. — Худший просто случается чаще.

Теперь они ехали сквозь предрассветную темноту по трассе, которая тянулась с севера на юг тёмной лентой между чёрными сопками, и дворники лениво размазывали по стеклу водянистую снежную кашу. Аэропорт «Мурманск» находится не в самом городе, а в посёлке Мурмаши, за Колой, и добираться до него приходится по шоссе, летом залитому светом, зимой превращающемуся в туннель из ночи и снега. Справа, внизу, чёрной полосой лежал Кольский залив, и над его гладью дрожали огни кораблей. Вера смотрела на них и думала, что город, в котором она прожила столько лет, никогда не казался ей таким огромным и таким равнодушным.

Максим вёл машину одной рукой, второй изредка поправляя зеркало. Внедорожник пах холодной кожей, табаком, который он, судя по всему, не курил, а лишь возил в бардачке по привычке, и кофе из термоса, налитого ей без вопросов, когда она села. Свет приборной панели лёг на его скулы зеленоватыми тенями. Он был небрит ещё сильнее, чем вчера: тёмная щетина проступила на подбородке и щеках, и от этого лицо казалось более усталым и более опасным. Серые глаза, воспалённые бессонницей, смотрели на дорогу с бесконечным терпением хищника, ждущего у норы.

— Вы спали? — спросила она.

— Нет.

— Вы вообще когда-нибудь спите?

— Когда есть возможность.

— Сегодня возможность была.

— Сегодня у вас на полу стучали, — сказал он без улыбки.

Она открыла рот, чтобы ответить какой-нибудь колкостью, и вдруг не нашла её. Положила ладонь на тетрадь и промолчала. На мгновение он повернул голову, и взгляд его, корот-

кий, как вспышка, задержался на её лице. Она не поняла, что в нём было: тревога, упрёк или что-то третье, чему у неё не было названия. Но он тут же отвернулся к дороге.

Здание аэропорта выросло из темноты внезапно: длинная стеклянная коробка, подсвеченная изнутри холодным белым светом, как аквариум. Перед ним лежала пустая стоянка, на которой одинокие автомобили стояли припорошённые мокрым снегом. Лётное поле за стеклом тонуло в тумане. Синие и красные огни полосы тянулись в сторону сопок двумя вереницами и растворялись в серой мгле. Где-то далеко низко гудел самолёт, ещё невидимый, но уже давивший на барабанные перепонки утробным гулом.

— Здесь мы расстанемся, — сказала Вера, когда он остановил машину.

— Нет, — сказал Максим и вынул ключ.

— Максим.

— Я вас не спрашивал, — он открыл дверцу, и в салон ворвался ветер. — Я прошу вас об одном: не оставайтесь наедине с этим человеком. Ни на минуту. Если он предложит вам чай, пейте чай, из чего он налит у вас на глазах. Если предложит уйти в другую комнату, откажитесь.

— Вы, кажется, считаете меня ребёнком.

— Я считаю вас человеком, которого вчера хотели напугать до смерти, а сегодня приглашают в экспедицию, — ответил он. — Одно с другим подозрительно хорошо сочетается.

Это было справедливо, и Вера злилась именно потому, что это было справедливо. Она вышла из машины, поправила воротник пальто, длинного, тёмно-серого, из тяжёлой шерсти, которое надела сегодня не думая и которое вдруг показалось ей единственной крепостью. Под ним была чёрная водолазка тонкой шерсти, под горло, узкие тёмные брюки, высокие кожаные сапоги, подбитые мехом: единственная уступка тундре, в которую она, как выяснилось, собиралась. Волосы она собрала в низкий узел, но ветер уже вытянул из него две пряди, и она, не глядя, заправила их за ухо. В кармане пальто лежала белая визитка. Тетрадь она сунула под мышку, и Максим, заметив это, молча подал ей из багажника холщовую сумку, в которую та проскользнула, как рыба в сеть.

Зал для официальных делегаций находился в стороне от общего терминала, за глухой дверью с надписью: «Служебный вход». Их встретил охранник в бушлате, внимательно, слишком внимательно оглядел Максима, потом Веру, потом снова Максима и, кивнув, открыл дверь. За ней был короткий коридор с ковром цвета засохшей брусники, вешалками, зеркалом в бронзовой раме. Пахло кофе, мокрой шерстью и дорогим одеколоном, чем-то сандаловым и сдержанным.

Они вошли в просторную комнату с низким потолком и тёмными панелями на стенах. Окно во всю стену выходило на лётное поле, где в тумане плавали, как медузы, жёлтые пятна фонарей. Посередине стоял длинный стол, вокруг него кожаные кресла и диван. На журнальном столике дымился самовар, к которому, судя по виду, никто не прикасался: он стоял здесь как реквизит, как знак гостеприимства. На стойке у стены громоздились ящики и кофры: серые, с металлическими уголками, с наклейками, на каждой из которых белыми цифрами был выведен номер. Рядом лежала, как беспорядочная груда тёмных костей, сложенная палатка.

Первым она увидела Илью. Он сидел на подлокотнике дивана, и в каждой руке у него было по бумажному стакану с кофе. Увидев её, он вскочил, расплескав каплю на джинсы, и расплылся в такой широкой и такой тёплой улыбке, что у неё на мгновение отлегло от сердца.

— Вера Андреевна, наконец-то! Я уже начал подозревать, что мне придётся добывать сигнал в одиночестве. Держите, это вам. Двойной, без сахара. Я навёл справки. — Он протянул ей один из стаканов. — Илья Радулов. Мы с вами не знакомы, но я читал вашу работу о затухании поверхностных волн в докембрийских массивах, и должен сказать: от неё чувствуешь себя полным идиотом. Это комплимент.

Ему было тридцать пять, но выглядел он моложе: лёгкая, мальчишеская фигура, светло-русые волосы, которые не слушались расчёски и лежали вихрами, и глаза: яркие, голубые,

насмешливые, с сеточкой ранних морщинок в уголках. Поверх свитера с дыркой на локте была надета оранжевая куртка с обтрёпанными манжетами, видавшая и льды, и камни, и, должно быть, не один ночной вокзал. Он стоял так, словно мир вокруг был для него интересной головоломкой, а не источником опасности.

— Вы всегда так знакомитесь? — спросила Вера, принимая стакан.

— Только с людьми, которым нужно чуть-чуть улыбнуться, прежде чем сообщить дурные новости, — сказал он и перевёл взгляд на Максима. — А это, надо понимать, тот самый человек, который по ночам охраняет сон нашей прекрасной коллеги?

— Максим Орлов, — коротко сказал Максим и пожал ему руку. Пожатие вышло коротким и крепким.

— Радулов. Акустика. Если вы ищете человека, который умеет слушать камни, то я к вашим услугам. Если вы ищете человека, который умеет стрелять, то это, скорее всего, вы.

— Я ищу человека, который умеет молчать, — сказал Максим.

— Тогда у нас проблема, — легко отозвался Илья. — Я не умею.

Из-за его плеча раздался негромкий голос, в котором не было ни тени иронии:

— Илья, я просил вас не развлекать гостей до того, как они снимут пальто.

Северцев стоял у окна, спиной к залу, и смотрел на серый рассвет над лётным полем. Теперь он медленно направился к ним. Каждый шаг был настолько выверенным, что напоминал часть какого-то ритуала.

Это был высокий мужчина шестидесяти одного года, прямой, словно к позвоночнику ему приставили линейку. Густые седые волосы были аккуратно зачёсаны назад. Тонкое породистое лицо, высокие залысины, узкие губы. Глаза серые, но совсем не такие, как у Максима. Если у Орлова взгляд был тёплым, дымчатым, то у Северцева — холодным, цвета январской воды подо льдом.

На нём было тёмное кашемировое пальто, белоснежная рубашка и шёлковый шарф. Туфли начищены до зеркального блеска. Казалось, он собирался не в тундру, а в Большой театр. Ничего лишнего: ни колец, ни цепочки, ни часов на виду.

— Вера Андреевна, — сказал он, слегка склонив голову. — Благодарю, что приехали. Понимаю, чего вам стоил этот ранний час.

Рука у него была сухая и прохладная. Пожал он её осторожно, но уверенно. Вера задержала рукопожатие на долю секунды дольше, чем требовала вежливость. Она где-то читала, что по рукам можно многое понять о человеке. Сейчас это знание ей не помогло.

— А вы Максим Орлов, — Северцев повернулся к нему. — Громов говорил, что вы человек надёжный.

— Он мало говорил, — отозвался Максим. — Всё больше платил.

— Это тоже форма доверия, — улыбнулся Северцев одними губами. — Рад, что вы с нами. Я рассчитывал, что вы приедете вместе с Верой Андреевной. Ваше присутствие, думаю, избавит нас от лишних формальностей.

Вера зацепилась за слово «рассчитывал». Не «надеялся», не «предполагал». Именно рассчитывал.

Она бросила взгляд на Максима. Его лицо оставалось непроницаемым, но на висках чуть заметно дрогнули желваки. На секунду Вере показалось, что в комнате стало холоднее.

— Позвольте представить, — Северцев сделал полшага в сторону. Из-за спинки дивана поднялась женщина. — Екатерина Белова, наш врач.

Она была необыкновенно хороша. Вера отметила это без зависти, с тем профессиональным интересом, с каким рассматривала удачно составленную карту или безупречный график.

Екатерине было тридцать шесть. Светлые волосы цвета спелой пшеницы собраны в низкий пучок, ни одной выбившейся пряди. Ясные голубые глаза, обрамлённые тёмными ресницами, тонкий нос, мягкий рот, чётко очерченные скулы. На ней было верблюжье пальто с

поясом, кремовый кашемировый свитер, узкие серые брюки и аккуратные кожаные сапоги на невысоком каблуке. В руках она держала небольшой чёрный кейс, похожий на те, с которыми врачи скорой помощи приезжают к пациентам. В её спокойной, уверенной манере держать его чувствовалась почти хирургическая точность.

— Очень рада, — сказала Екатерина. Голос у неё был низкий, чуть хрипловатый, спокойный. — Мне много рассказывали о вас.

— Надеюсь, хорошее.

— Разное, — улыбнулась Екатерина. — Вы сегодня спали?

— Немного.

— Голова болит? Шум в ушах? Давление?

— Простите?

— Профессиональная деформация, — мягко пояснила врач. — Я всегда смотрю на людей как на пациентов. У вас круги под глазами, зрачки чуть расширены. Если вам вдруг покажется, что вы слышите что-то, чего на самом деле нет, скажите мне. Сразу. Не откладывая.

Под воротником водолазки у Веры выступил холодный пот. Она улыбнулась, стараясь смотреть Екатерине прямо в глаза.

— Вы сегодня первый человек, который спросил меня об этом.

— Значит, я первая, — ответила врач. — Но, возможно, не последняя.

Её взгляд задержался на лице Веры чуть дольше, чем требовала обычная вежливость. Внимательный, цепкий, слегка удивлённый. Будто бы Екатерина сверяла увиденное с какой-то знакомой ей картинкой. Потом она отвела глаза и занялась застёжкой кейса.

«Зачем она так смотрит?» — подумала Вера, но решила пока отложить этот вопрос.

Они сели за стол. Северцев занял место во главе, Веру усадил по правую руку, Екатерину — по левую. Максим остался стоять у стены, прислонившись плечом к панели и скрестив руки. Илья устроился на подоконнике и принялся разглядывать свой стакан, словно в нём скрывалась разгадка устройства Вселенной. Самовар тихо постукивал остывающим металлом.

— Я не буду тратить ваше время на предисловия, — начал Северцев. Он говорил негромко, не повышая голоса. От этого каждое слово звучало весомее. — Ваш наставник, Аркадий Борисович Громов, мёртв. Вы это знаете. Он был не только моим старым коллегой, но и, смею сказать, одним из немногих людей, которых я уважал. Три недели назад, в тот самый день, когда «Лопарь» впервые зафиксировал сигнал, он позвонил мне. Мы не разговаривали пятнадцать лет.

— Три недели назад, — повторила Вера.

— Да. И сказал мне то, что я до сих пор не могу забыть. Он произнёс: «Витя, началось. Собирай людей. И возьми с собой Соколову».

Северцев достал из внутреннего кармана пальто сложенный вдвое лист бумаги и положил перед ней. Вера развернула его. Распечатка электронного письма. Заголовков не было, только дата — двадцать четвёртое сентября. Одна строка, выделенная жирным:

«Рекомендую В. А. Соколову. Она услышит там, где приборы промолчат. Не говорите ей раньше времени».

«Раньше времени». Эти слова отозвались в ней тихим звоном, как камертон, которого коснулись пальцем. Она вспомнила сообщение, пришедшее вчера в пять пятьдесят две: «Они проснулись раньше времени». Громов любил игру слов, но не любил совпадений.

— Двадцать четвёртое сентября, — медленно произнесла Вера. — Сигнал начался двадцать второго. Значит, он написал это на второй день.

— На второй день после первой записи, — подтвердил Северцев. — Он понял, что сигнал не случайная помеха, раньше, чем кто-либо в Центре. И вот что меня тревожит, Вера Андреевна. Он знал, что вы окажетесь в экспедиции. Знал ещё до того, как вы сами узнали, что вам предстоит ехать.

— Он знал, что я поеду, — произнесла она. Голос прозвучал чужим. — Он решил за меня.

— Он поставил на вас, — поправил Северцев. — Это разные вещи.

— Для того, кого поставили на кон, разницы нет.

Илья, сидевший на подоконнике, тихо присвистнул. Северцев не улыбнулся, но в его взгляде мелькнуло одобрение. Так учитель смотрит на ученика, который неожиданно справился с трудной задачей.

— Справедливо, — сказал он. — Тогда объясню прямо, без политики. Нам нужен человек, способный прочесть то, что принимает «Лопарь». Илья умеет разбирать сигнал на частоты. Вы понимаете, что за этими частотами стоит порода. Вместе вы сможете сделать то, чего никто из нас не сделает в одиночку. Я предлагаю вам место в группе. Полноправное, с допуском. Выезд сегодня в девять. Первая точка — станция «Север-12», в центральной части полуострова. По данным трёх сейсмостанций мы рассчитали положение источника. Сигнал идёт не от «Лопаря», Вера Андреевна. «Лопарь» — всего лишь ухо. Голос находится там.

— А если я откажусь?

— Вы вправе отказаться. — Северцев развёл руками, разжав тонкие пальцы. — Но, смею предположить, вы уже приняли решение. Иначе не взяли бы с собой тетрадь Аркадия Борисовича.

Вера окаменела. Тетрадь лежала в холщовой сумке у её ног. Никто из присутствующих не смотрел на неё с подозрением, никто не выдал себя ни движением, ни взглядом. Она медленно подняла глаза на Северцева.

— Какую тетрадь?

— Ту, которую вы держите при себе с тех пор, как вошли. Всю дорогу прижимали её локтем, как будто письмо с признанием. Я не следил за вами. Просто наблюдателен. Это профессиональное.

За её спиной шевельнулся Максим. Он не сделал шага, только перенёс вес с одной ноги на другую. Но Вере этого хватило, чтобы понять: он не поверил ни одному слову Северцева.

— Прекрасно, — сказала она и поставила стакан на стол. Кофе плеснул через край. — Тогда давайте начистоту. Раз уж мы начали. Вчера в архиве я нашла запись от двенадцатого октября тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года. Допуск в лабораторию номер четыре, объект «Лопарь». Четыре человека. Ответственный — Северцев В. А. Как вы это объясните?

Тишина обрушилась на комнату. Стало слышно, как гудит вентиляция под потолком. Екатерина, до сих пор державшая кейс на коленях, замерла. Илья перестал разглядывать стакан.

Только Северцев сохранил спокойствие. Его лицо не изменилось, не дрогнул ни один мускул. Он лишь на мгновение прикрыл глаза, словно прислушивался к далёкому звуку. Когда снова посмотрел на Веру, в его взгляде не было ни раздражения, ни страха. Скорее усталость.

— Я ждал этого вопроса, — произнёс он. — Но, признаюсь, не думал, что он прозвучит так быстро. Вы быстро работаете.

— Это не ответ.

— Это начало ответа. Да, фамилия моя. Мне было двадцать три года. Я был стажёром Академии наук, прикомандированным к группе в качестве референта. В мои обязанности входило подписывать бумаги, которые клали мне на стол. Что именно я подписывал, мне, как вы понимаете, не объясняли. Лабораторию номер четыре я видел всего один раз. И то мельком.

— И все эти годы вы молчали.

— Мне запретили, — просто ответил он. — А потом я привык. Это самое страшное свойство человека: он привыкает к молчанию. — Северцев помолчал. — Я расскажу вам больше, Вера Андреевна. Но не здесь. Здесь нельзя. Когда мы окажемся там, где можно будет показать, а не только рассказать, я отвечу на каждый ваш вопрос. Даю слово.

— Слово человека, который молчал тридцать лет?

— Единственное, что у меня осталось, — спокойно ответил Северцев.

Вера пыталась уловить в его голосе фальшивую ноту, заметить дрожь или паузу, которая выдала бы ложь. Ничего. Он был безупречен, как отполированный лёд. Она подумала, что Северцев либо говорит правду, либо лжёт настолько мастерски, что разницы уже не уловить. И то и другое её не устраивало.

— Хорошо, — сказала она. — Я еду. Но у меня два условия.

— Слушаю.

— Первое: всё, что мы найдём, должно оставаться в общем доступе группы. Никаких закрытых папок. Второе: со мной едет Максим Орлов.

— Максим Орлов уже включён в список, — ответил Северцев. — В качестве консультанта по безопасности. Я рассчитывал на это.

Снова это слово.

Вера повернулась к Максиму. Он стоял у стены, не меняя позы, и смотрел куда-то в окно, на серый туман над полосой. Профиль казался высеченным из камня. Она хотела спросить его взглядом: «Вы знали?» Но тут же поняла, что он не ответит. Не потому, что не хочет. Он просто не привык отвечать на такие вопросы вслух.

Северцев поднялся, одёрнул пальто и посмотрел на часы — тонкие, плоские, в стальном корпусе. Оказывается, он всё-таки носил их, просто прятал под манжетой.

— Выезд в девять. Захар загрузит технику. Илья, помогите Вере Андреевне с экипировкой. Боюсь, её сапоги рассчитаны скорее на проспект Ленина, чем на тундру.

— Эти сапоги, — холодно сказала Вера, — видели Исландию.

— В Исландии нет такой сырости, — вежливо возразил Северцев. — Позвольте мне иметь небольшое преимущество: я здесь вырос.

Он вышел. Следом за ним, не оглянувшись, направилась Екатерина.

Вера выдохнула и только теперь почувствовала, что всё это время держала лопатки сведёнными так сильно, что мышцы начали болеть. Илья спрыгнул с подоконника и подошёл к ней, сунув руки в карманы.

— Хорошая новость: вы прошли экзамен. Плохая: теперь будете сдавать его каждый день.

— Вы тоже так на него смотрите? — тихо спросила Вера, кивнув на дверь.

— Как?

— Как на человека, который знает, чем закончится шахматная партия, но не собирается об этом рассказывать.

Илья на секунду перестал улыбаться и перед ней оказался совсем другой человек — внимательный, настороженный, не по возрасту взрослый.

— Я смотрю на него так, как смотрят на ураган, — негромко сказал он. — Красиво. И лучше не стоять на пути.

Через секунду он снова ухмыльнулся, вернув себе мальчишеский вид, и направился к ящикам.

Максим всё это время молчал. Когда Вера подошла к нему, он наклонился так близко, что она почувствовала тепло его дыхания и запах холодной улицы, пропитавший куртку.

— Он знал про тетрадь, — тихо произнёс Максим.

— Я заметила.

— Значит, за нами следили ещё до того, как мы вышли из машины. Или он просто хорошо угадывает.

— Думаете, он ждал?

— Я думаю, он рассчитывал, — повторил Максим её слово. В его голосе слышалась усталая ярость. — Вы заметили, что он ни разу не удивился? Ни смерти Громова. Ни вашему появлению. Ни тому, что вы нашли в архиве.

— Вы тоже не удивлялись.

— Нет, — сказал он и посмотрел ей в глаза. — Я тоже.

Это прозвучало как короткое признание. Вера хотела спросить, что он имеет в виду, но не успела. В зал вошёл водитель — широкоплечий молчаливый мужчина с седой бородкой и пустым взглядом. Он спросил, куда нести кофры.

Максим выпрямился. Лицо снова стало непроницаемым. Но Вера запомнила эту секунду, его слова и то, как он отвёл глаза.

Она подняла сумку с тетрадью и пошла за остальными — на улицу, к белому фургону, который прогревал мотор на мокром асфальте. Над лётным полем медленно поднимался серый рассвет. В его тусклом свете каждая вещь казалась призраком самой себя.

***

Автомобильная трасса Мурманск — центральная часть Кольского полуострова. 09:00-12:30

Колонна вышла из Мурманска ровно в девять. Впереди шёл белый «Мерседес Спринтер» на высоких колёсах, с экспедиционным багажником на крыше. За ним, метрах в сорока, двигался чёрный внедорожник Максима. В фургоне ехали Северцев, Екатерина и водитель Захар. Там же разместили восемнадцать ящиков с оборудованием. В чёрной машине находились Вера, Максим и Илья, который, как выяснилось, наотрез отказался ехать с академиком.

— Я не вынесу четырёх часов молчания, — объяснил он, перекидывая через плечо огромный рюкзак. — Виктор Александрович умеет молчать выразительнее, чем другие говорят. Когда он молчит, мне кажется, что я что-то натворил.

— А вы что-то натворили? — спросила Вера.

— Я всегда что-нибудь натворил. Просто не знаю, что именно.

Он устроился на заднем сиденье, подложил под спину рюкзак, вытянул ноги и сразу занял втрое больше места, чем полагалось человеку его комплекции. Максим посмотрел на него в зеркало с выражением смиренной обречённости. Вера, сидевшая впереди, подавила улыбку.

Город остался позади, как остаётся позади сон. Сначала растворились кварталы, затем промзона с гаражами и ржавыми контейнерами, а следом исчезли последние чахлые берёзки, росшие вдоль обочины кривыми дугами. Трасса М18 уходила на юг. Чёрный мокрый асфальт блестел под жёлтой разметкой, размытой дождём.

По обе стороны дороги открылась тундра. Рыже-бурый ковёр ягеля и карликовой берёзы покрывал низкие равнины. Из него, как рёбра гигантского зверя, выступали серые валуны. Над землёй висело тяжёлое небо цвета старого олова. Сквозь тучи сочился холодный бесцветный свет. Он почти ничего не освещал, зато лишал предметы теней. Вдали темнели плосковерхие сопки с белыми прожилками первого снега. У их подножия лежали чёрные неподвижные озёра, похожие на разлитую нефть. Снег ложился на стекло мелкой крупой и не таял.

— Ну что, — заговорил Илья, — расскажу вам, куда мы едем, пока никто не запретил. Вы, Вера, наверное, знаете это лучше меня. Но у вас такой вид, будто вы никому ничего не должны, и мне хочется этим воспользоваться.

— Я слушаю.

— Тогда начнём с простого. Что такое звук?

— Колебания среды.

— Прекрасно. А что такое тишина?

— Отсутствие колебаний.

— Вот и нет! — Илья наклонился между сиденьями. Глаза у него загорелись тем азартом, с каким учёные и дети рассказывают о любимом деле. — Тишины не существует. Если поставить микрофон в самой звукоизолированной камере мира, можно услышать, как течёт кровь, как стучит сердце, как шелестят собственные нервы. Земля тоже никогда не молчит. Она звучит постоянно. Низкие частоты, инфразвук ниже двадцати герц, который мы не слышим, но ощущаем внутренностями. Океанские волны ударяют в дно, а оно отвечает гулом. Это микросейсмы, как их называет Вера. Ветер в ущельях, обвалы, процессы в глубине. Старая Земля поёт. Просто слишком низко для наших ушей.

— Поэтичный подход для физика.

— Я физик-лирик. Меня за это не любят в Академии. Но слушайте дальше. Есть места, где порода работает как музыкальный инструмент. В пустыне Намиб поют дюны: песок гудит на частоте около ста герц, и этот звук слышен за десять километров. В Китае, в одном из ущелий, скалы стонут при определённой силе ветра. Там даже построили храм, чтобы объяснить это явление людям. В Мексике, в Тауэрсе, да и у нас, в Карелии, на Онежском озере, есть так

называемый гул, который слышат лишь некоторые люди. И дело не в том, что они сумасшедшие. Просто у них немного другая чувствительность слуха. Вопрос: что нужно, чтобы кусок земной коры превратился в усилитель?

— Однородный массив, — ответила Вера. — Малое затухание, хорошо отражающие границы, замкнутый объём, чтобы волна многократно возвращалась. Кристаллический щит.

— Именно. А где находится самый древний, самый однородный и плотный кристаллический щит в Европе?

— Здесь, — ответила она.

— Здесь, — довольно подтвердил Илья. — Балтийский щит. Кольский полуостров. Граниты и гнейсы возрастом до трёх миллиардов лет. Они проводят сейсмические волны почти как стальной рельс проводит стук колёс: на сотни километров. Когда в восьмидесятых годах советские геофизики бурили Кольскую сверхглубокую скважину, они знали, что породы там необычные. Помните легенду о том, что на глубине двенадцати километров записали крики грешников?

— Миф, придуманный финской газетой.

— Миф, придуманный финской газетой, — согласился Илья. — Но, как и всякий хороший миф, он возник не на пустом месте. Бурили, слышали шумы, не понимали их природы, а воображение доделало остальное. Я там был. Скважина закрыта, устье заварено крышкой. Внутри ничего, кроме очень упрямой стальной колонны. Никаких грешников. Только камень.

Максим едва заметно усмехнулся. В зеркале заднего вида Вера видела его глаза, следившие за дорогой. Он не поворачивался, но слушал. Она знала, что слушает.

— И какое отношение всё это имеет к семнадцати минутам сорока трём секундам? — спросила она.

— А вот здесь начинается неприятное, — сказал Илья. Улыбка у него потускнела. — Природные источники, будь то землетрясение, обвал или дегазация, не умеют считать. У них нет метронома. Любой природный процесс даёт разброс: плюс-минус секунда, плюс-минус минута. А этот сигнал приходит точно в срок. Раз в семнадцать минут сорок три секунды. Погрешность не превышает десятых долей миллисекунды. Я проверил данные трёх станций. И это ещё не всё. Внутри каждого импульса есть структура. Фазовая модуляция. Как будто что-то…

Он замолчал на полуслове. Вера обернулась. Илья смотрел в окно. Лицо у него стало отсутствующим, словно он вдруг вспомнил, что оставил дома включённый утюг.

— Как будто что? — спросила она.

— Как будто кто-то набирает текст, — наконец произнёс он. Улыбка вернулась, но уже не была такой лёгкой. — Азбукой Морзе по земной коре. Или просто работает очень странный природный генератор. Уверен, у вас есть теории.

— Есть, — сказала Вера. — Но все они мне не нравятся.

— Это признак хороших теорий. Плохие всегда нравятся.

Вера отвернулась к окну. Что-то в его коротком запинании, в оборванной фразе зацепилось за её сознание, как нитка за гвоздь.

Но тут Максим, не отрывая глаз от дороги, произнёс:

— Не оборачивайтесь. В двух машинах позади нас идёт серебристая «Субару».

Вера не повернула головы, только слегка наклонила боковое зеркало. В нём отражалась двухсотметровая полоса шоссе. За грузовиком с лесом и маленьким красным «Логаном» двигалась низкая приземистая «Субару Форестер». Серебристый кузов был забрызган грязью почти до самых стёкол. Номера — мурманские. Водителя разглядеть не удавалось: лобовое стекло отражало небо.

— Вы уверены?

— Она выехала за нами из аэропорта. Стояла на парковке у третьего ряда. Ни людей, ни багажа. Потом я заметил её на повороте к Коле, а ещё раз — на заправке в Мишуково. Один раз — совпадение, два — случайность. Но третий…

— Может, у людей одинаковый маршрут.

— Может быть. — Максим продолжал смотреть в зеркало. — Но обычный водитель не держит дистанцию в пять корпусов с точностью до метра. И не снижает скорость, когда это делаю я.

Илья перегнулся вперёд и вгляделся в зеркало.

— Ничего себе, — тихо сказал он. — А я думал, такое бывает только в кино. Они всегда ездят на серебристых машинах?

— Они всегда выбирают те, на которые никто не обращает внимания, — ответил Максим.

Вера почувствовала, как на предплечьях поднялись волоски. Она вспомнила тёмную лестничную клетку своего дома, стук и пустую квартиру этажом ниже. За одну ночь она научилась различать два вида тишины: ту, в которой никого нет, и ту, в которой кто-то затаился.

Максим не спешил. Он держал скорость, привычными точными движениями вписывал машину в повороты и постоянно переводил взгляд с дороги на зеркало и обратно. Через километр перестроился, пропуская вперёд грузовик. «Субару» осталась за красным «Логаном». Максим прибавил газу, догнал белый фургон и пристроился за ним. «Субару» тоже ускорилась.

— Что будем делать? — спросила Вера.

— Ничего. Пока ничего. Если мы остановим его, он может стать опасным. Пока он просто следует за нами, он безвреден. Мне нужно понять, кто ему платит и зачем.

— А если вы остановитесь, чтобы поговорить?

— Тогда разговаривать придётся не мне.

Он произнёс это без бравады, просто констатируя факт. Вера бросила на него взгляд. Большая мужская рука со старыми побелевшими шрамами на костяшках спокойно лежала на руле. Второй рукой Максим достал из бардачка термос и, не глядя, передал ей.

— Пейте. Вы весь день на нервах.

— Я не на нервах.

— У вас дрожат пальцы.

Вера посмотрела на руку. Пальцы действительно мелко дрожали. Она сжала кулак. К щекам прилила горячая волна раздражения: Максим был прав, и её злило, что он это заметил. Она налила чай в крышку термоса. Крепкий, чёрный, с лимоном. Напиток обжёг нёбо.

— Не люблю, когда за мной наблюдают.

— Я знаю, — сказал Максим. — Но боюсь, придётся потерпеть.

— Вы наблюдаете за мной больше, чем следовало бы.

— Я наблюдаю за всеми, — возразил он. — Просто на вас дольше задерживается взгляд.

Он произнёс это ровным голосом, типа констатировал очевидный факт, но тут же замолчал и крепче сжал руль. Вера удивлённо повернулась к нему. Максим смотрел на дорогу. По его лицу ничего нельзя было прочесть, разве что лёгкий румянец у верхней части скулы. Илья на заднем сиденье сделал вид, что внезапно заинтересовался собственными ногтями.

В машине повисла неловкая, почти забавная тишина.

Вера отвернулась и открыла холщовую сумку. Тетрадь лежала на самом дне. Она достала её и положила на колени, не раскрывая. Потом всё-таки открыла. Колонки цифр поплыли перед глазами. Вера стала читать их, как молитву: не понимая смысла, но постепенно успокаиваясь.

— Что это? — спросил Илья, наклонившись вперёд.

— Записи Громова.

— Можно посмотреть?

Она замялась и посмотрела на Максима. Тот коротко пожал плечами, предоставляя ей самой решать. Вера протянула тетрадь назад, придерживая пальцем нужную страницу.

— Вот. Частоты. Видите? Ноль целых восемь десятых, три целых четыре десятых, одиннадцать целых девять десятых…

— Субгармоники, — пробормотал Илья.

Лицо его изменилось. Исчезла привычная улыбка, взгляд стал сосредоточенным и жадным. Он поднёс страницу почти к самому носу.

— Он считал не основной тон, а обертоны. Смотрите, расписал, как они складываются. Вот это да. Он разбирал сигнал на составляющие вручную. Карандашом. Тридцать страниц! Наверное, неделями не спал.

— Он действительно не спал, — тихо сказал Максим. — Говорил мне, что не может заснуть, потому что «оно слушает».

Вера резко повернулась к нему. Максим по-прежнему смотрел на дорогу.

— Вы мне этого не говорили.

— Говорю сейчас.

— Что ещё он от меня скрывал?

— Достаточно, чтобы я чувствовал себя дураком. И недостаточно, чтобы понимать, во что мы ввязались, — ответил Максим.

На сотом километре они свернули с шоссе. Трасса М18 уходила дальше, на Апатиты, а белый фургон, включив поворотник, нырнул на узкую асфальтовую ленту. Через несколько километров асфальт сменился бетонкой.

Старые советские плиты лежали с зазорами, заросшими жёсткой травой. На стыках машину подбрасывало, и каждые двенадцать метров раздавался глухой удар. Потом ещё один, похожий на стук сердца. Местами плиты просели и разошлись, местами торчали из земли под углом, как зубы. Рядом тянулась ржавая линия электропередачи: покосившиеся деревянные столбы, провисшие провода, оборванные изоляторы.

Тундра раскрывалась вокруг широко, безмолвно и торжественно. Горизонт был чист до рези в глазах. Только у самого края неба темнела длинная полоса хребта Хибин, едва различимая в мутном свете.

Они проехали мимо заброшенного посёлка. Пять деревянных домов провалились внутрь, как гнилые зубы. Рядом ржавел трактор, а над одинокой могилой стоял крест, на котором ветер трепал выцветшую красную ленту.

Илья замолчал. Остальные тоже притихли. Каждый прислушивался к своей тишине.

Вера снова посмотрела в зеркало.

«Субару» была на месте. Четыреста метров позади, на прежнем расстоянии. Теперь она ехала одна: ни грузовика, ни красного «Логана» рядом не было. Только низкая серебристая машина двигалась по длинной, прямой, как линейка, бетонной дороге.

Впереди тянулось восемь, а то и десять километров без единого поворота, развилки или съезда. По обе стороны лежала голая тундра, плоская, как стол. Спрятаться здесь было негде.

— Максим, — тихо сказала Вера.

— Вижу.

Он сбросил скорость. Белый фургон впереди тоже начал тормозить: Захар заметил на дороге оленей. Небольшое стадо, голов двадцать, пересекало бетонку по диагонали. Серо-бурые животные с белыми пятнами на боках бежали, высоко подняв головы. Копыта изредка стучали по бетону.

Один олень остановился посреди дороги и повернул к машинам длинную тёмную морду. Его большие влажные глаза смотрели не на людей, а куда-то им за спины.

Прошло секунд двадцать. Олени пересекли дорогу и скрылись в рыжей тундре. Фургон тронулся. Максим тоже отпустил тормоз и привычно взглянул в зеркало.

Дорога позади была пуста.

Он нажал на тормоз. Вера обернулась всем корпусом. Илья подался вперёд. Они смотрели в заднее стекло на бесконечную серую ленту бетона, уходившую на восемь километров назад. Ветер гнал по ней позёмку. Ни машины, ни следов шин на мокрых плитах. Ни съезда, ни просёлка, ни канавы, где можно было бы спрятаться. Только плоская тундра по обе стороны и низкое небо.

— Она телепортировалась, — сказал Илья. И сам не узнал своего голоса: в нём не было ни капли шутки.

— Не говорите глупостей, — тихо произнесла Вера.

— Тогда куда она делась?

Максим молчал. Он вышел из машины, оставив дверь открытой, и остановился посреди бетонки, широко расставив ноги. Ветер рванул полу его куртки. Почти минуту он всматривался в дорогу, затем присел на корточки, провёл ладонью по плите и поднёс пальцы к лицу.

Наконец он выпрямился и вернулся в машину.

— Следов нет, — сказал он, садясь. — Ни от шин, ни от масла. Здесь сухо. Как будто по дороге вообще никто не проезжал.

— Но мы же её видели.

— Видели, — подтвердил Максим. — Я наблюдал за ней полчаса. Ошибиться не мог.

— Может быть, там есть технологическая дорога, — предположила Вера, цепляясь за рациональное объяснение. — Такие бывают незаметными. Съезд под углом, колея в ягеле, а дальше дорога проходит ниже уровня бетонки. Если водитель знал…

— Если знал, — повторил Максим. — Значит, он знал эту местность лучше меня.

Последние слова он произнёс почти шёпотом. Вера поняла: Максим не привык уступать кому-то там, где дело касалось дорог. Но в его фразе было что-то странное. «Лучше меня». Будто он сам знал эту дорогу. Будто уже ездил по ней.

Белый фургон остановился в трёхстах метрах впереди. Захар вышел и замахал рукой, спрашивая, что случилось. Максим высунулся из окна и показал большой палец: всё в порядке, можно ехать.

Мотор взревел. Машины двинулись дальше.

Вера долго молчала, потом спросила:

— Вы знаете эту дорогу?

— Нет.

— Вы сказали, что тот водитель знал её лучше вас.

— Я сказал, что тот, кто знал съезд, знал дорогу лучше меня, — ровно произнёс Максим. — Это логика, а не воспоминание.

Она посмотрела на него. Он выдержал её взгляд, не моргнув. Серые глаза оставались спокойными и пустыми, как зимнее небо. В них ничего нельзя было прочесть.

«Врёт», — подумала Вера. И тут же добавила: «Или не врёт».

Вторая мысль оказалась хуже.

Остаток пути прошёл почти в молчании. Илья задремал, уронив голову на рюкзак. Максим вёл машину, время от времени проверяя зеркала. Когда они миновали последнюю развилку, свернули на старую разбитую технологическую колею и поползли среди валунов, он ни разу не оглянулся.

Вера прижалась виском к холодному стеклу. За окном по равнине скользили серые тени облаков. Там, на самом краю земли, где небо сходилось с камнем, поднималась невысокая ржавая мачта с косой перекладиной.

— Станция, — сказал Максим.

Он произнёс это слово так, как произносят имя человека, которого давно не видели и не уверены, хотят ли встретить снова.

Вера сидела рядом и думала: «Он знает. Что-то знает. И боится».

***

Заброшенная полярная станция «Север-12». 13:00-15:20

Станция показалась из-за гряды валунов, как тонущий корабль из тумана: сначала мачта, потом крыша, а следом и всё остальное. Она открывалась взгляду медленно, будто нехотя.

Вера вышла из машины и сразу почувствовала, что здесь ветер совсем другой. На трассе он дул ровно, как бывает на открытом месте. Здесь же ветер будто жил среди камней: собирался в ущелье за зданием, а потом вырывался оттуда резкими порывами. При этом он издавал низкий гул, похожий на звук, который возникает, если провести мокрым пальцем по краю бокала. Вера подняла воротник пальто и сунула руки в карманы. Пальцы уже ломило даже сквозь тонкие кожаные перчатки. Температура держалась около нуля, но сырость с запахом ржавчины, талого снега и чего-то ещё, глубокого и торфяного, проникала сквозь шерсть. Казалось, холод добирался прямо до кожи.

Здание стояло на плоской каменной площадке, которую когда-то выровняли взрывами или бульдозерами. Двухэтажная коробка из серого бетона и рыжего кирпича вытянулась вдоль склона. Узкие окна напоминали бойницы, и ни одного целого стекла в них не осталось. Одна половина крыши ещё держалась, другая обвалилась внутрь. Из чёрной пробоины торчали изогнутые двутавровые балки, похожие на рёбра. Их покрывал толстый слой ржавчины, местами заросший мхом. По стенам тянулись жёлтые и рыжие потёки. Над входом, под навесом из рифлёного железа, сохранилась жестяная табличка. На голубом фоне ещё угадывались буквы, когда-то выведенные белой краской: «СЕВЕР-12». Цифры «12» почти выцвели. Кто-то давно процарапал под ними ещё одно слово, но разобрать его мешала ржавчина.

Правее здания высилась та самая мачта, которую Вера заметила из машины. Решётчатая конструкция метров тридцати высотой, с косой перекладиной на верхушке, где когда-то, вероятно, крепились антенны. Теперь там болтались только обрывки кабеля. Ветер раскачивал их, и они тихонько звякали о металл. Рядом на бетонных опорах лежал огромный проржавевший топливный бак. Чуть дальше, во дворе за колючей проволокой, стоял остов ГАЗ-66. Без колёс, без капота, с зияющей пустотой вместо двигателя. Он напоминал выпотрошенного зверя. Стёкол в кабине не осталось. На сиденье за десятилетия скопились дождь и грязь, а поверх них разросся неподвижный чёрный ковёр мха.

— Красота, — сказал Илья.

Он стоял рядом, задрав голову, с рюкзаком на одном плече. В его голосе не было иронии.

— Вы только посмотрите. Тридцать лет, и ни одного вандала. Потому что сюда ни один вандал не добрался бы.

— Кто-то всё-таки добрался, — сказал Максим.

На здание он не смотрел. Максим стоял на коленях в пятнадцати шагах от машины, у края бетонной площадки, где плиты сходились с каменистой землёй. Он разглядывал что-то на мокрой щебёнке.

Вера подошла ближе. Не сразу, но всё же заметила отпечаток на тонком слое грязи. Рифлёная подошва, крупный рисунок, глубокий каблук. Один след, второй, третий. Цепочка пересекала площадку по диагонали и тянулась к двери.

— Давно? — спросила она.

— Не знаю. Недавно. Дождь шёл ночью, а в следах нет воды. — Максим коснулся отпечатка пальцем. — Сорок третий размер. Современная подошва, «Вибрам» или что-то похожее. Одна пара. Туда. — Он повёл ладонью в сторону двери. — И обратно. И снова туда.

— То есть человек живёт здесь?

— Человек часто ходит сюда, — поправил он. — Это разные вещи.

Северцев вышел из фургона последним. Он уже пересекал площадку с привычной неторопливостью человека, который привык появляться в чужих кабинетах и приёмных. Тёмное

пальто сидело на нём так, словно он только что вышел из дома, хотя последние сорок километров по бетонке должны были изрядно потрепать одежду. Северцев остановился рядом с Максимом, посмотрел на след и промолчал. Но Вера заметила, как под безупречным шарфом едва заметно дёрнулся кадык.

— Станция закрыта с девяносто четвёртого, — наконец произнёс он. — Официально ликвидирована. Здесь уже тридцать лет не должно быть ни одного человека.

— У кого-то другое мнение, — заметил Максим.

— Или другой размер ноги, — вмешался Илья.

Он попытался усмехнуться, но шутка не получилась. Илья замолчал.

Захар достал из фургона длинный чехол и расстегнул молнию. В его руках оказалось охотничье ружьё с коротким воронёным стволом. Он ни на кого не посмотрел и остался стоять у машины, привалившись плечом к борту. Так стоит человек, получивший один приказ и не нуждающийся в дополнительных указаниях.

Екатерина, напротив, подошла ближе всех. Она осторожно ступала по камням, держа на сгибе локтя чёрный кейс, как сумочку на светском приёме. Вера мельком отметила, что врач смотрит вовсе не на следы, а на неё. Взгляд у Екатерины был мягкий, почти ласковый, но от этого Вере становилось неуютно.

— Вера Андреевна, вы бледны, — сказала Екатерина. — Хотите воды?

— Я не бледна. Просто с дороги.

— Пейте. — Екатерина всё-таки протянула ей небольшую фляжку. — Здесь воздух сухой, а вы этого не замечаете. Через час начнёт болеть голова.

Вера взяла фляжку и отпила. Вода оказалась тёплой, с лёгким привкусом лимона. Она вернула её Екатерине и подумала, что та, пожалуй, единственный человек за сегодняшний день, который разговаривает с ней, ничего не пытаясь получить взамен.

И тут же поймала себя на другой мысли: «Или хорошо это скрывает».

С некоторых пор ей приходилось добавлять такую оговорку почти ко всему, что она думала о людях.

Максим вошёл первым. Он не стал ничего объяснять и никого не спрашивал. Просто поднялся, достал из багажника внедорожника мощный фонарь, прошёл мимо Северцева и остановился у двери. Тяжёлая железная створка на трёх огромных петлях была приоткрыта. Вера заметила на металле тёмный блеск. Максим провёл пальцем по петле, поднёс его к лицу и тихо выругался.

— Смазано. Совсем недавно.

— Это тоже? — спросила Вера.

Он кивнул.

Внутри пахло сыростью, плесенью и холодным железом. Но сквозь эти тяжёлые запахи пробивался ещё один, лёгкий и совершенно чужеродный, как будто цветок среди мусора. Вера не сразу поняла, что это. Потом догадалась: кофе. Тот самый запах, который остаётся в комнате, где кто-то недавно заваривал напиток, пил его, а потом ушёл. Она задержалась на пороге. По коже пробежали мурашки.

Они вошли в длинный коридор. Лучи фонарей скользили по стенам, выхватывая облупившуюся масляную краску. Когда-то она была зелёной, теперь же вспучилась и отходила от стен целыми пластами, напоминая кожу после сильного ожога. Под ногами хрустела штукатурка, смешанная с птичьим помётом. По обе стороны коридора тянулись двери: деревянные, разбухшие от сырости. На табличках ещё можно было разобрать надписи: «Лаборатория», «Кладовая», «Радиоузел», «Не входить без допуска». Одна дверь держалась на единственной петле, другая валялась прямо на полу. Из пробоины в потолке сочился серый свет. В его мутном луче медленно кружилась пыль.

— Не трогайте стены, — вполголоса предупредил Максим. — Перекрытия гнилые. Идите там, где проходит след.

След тянулся посреди коридора. Вера заметила бы его и сама, если бы сразу догадалась посмотреть под ноги: чистая дорожка шириной в две ступни, где пыль была стёрта, а штукатурка растоптана. Тот, кто ходил здесь, бывал часто и хорошо знал дорогу. Следы терялись впереди, в темноте, у поворота налево. Вера шла третьей и чувствовала, как постепенно сжимается желудок.

Она всегда считала, что пустые здания её не пугают. В них ничего нет. Только то, что люди принесли с собой.

На развилке Максим остановился. Налево уходили следы. Там же начиналась широкая лестница с железными перилами, ведущая наверх, к обвалившейся части здания. Справа находилась узкая неприметная дверь с облупившейся надписью: «Щитовая». Максим без колебаний повернул к ней.

— Следы туда не ведут, — сказала Вера.

— Знаю.

— Тогда зачем...

— Командный пункт в таких зданиях обычно находится на нижнем этаже, рядом со щитовой, — ответил он, не оборачиваясь. — Чтобы кабели были короче.

Он открыл дверь. За ней обнаружилась лестница, уходившая вниз, в сухую холодную темноту. Глядя Максиму в спину, Вера подумала, что в его движении было что-то странное. Слишком быстрое и уверенное. Человек, который ищет, сначала осматривается и только потом выбирает направление. Максим выбрал, даже не взглянув на лестницу.

Она уже открыла рот, чтобы спросить, откуда он знает, куда идти, но Северцев, следовавший за ней, заговорил первым.

— Орлов прав, — негромко сказал академик. — Пункт управления должен находиться внизу. Я бывал на объектах такого типа.

— Вы же видели лабораторию всего один раз, — не удержалась Вера.

— На объектах такого типа, — спокойно повторил Северцев. — Не на этом конкретном объекте. Их строили по одному проекту.

Объяснение звучало правдоподобно. Даже слишком правдоподобно. Вера начала спускаться, считая ступени. На двадцать третьей лестница закончилась, и под ногами оказался ровный пол.

Комната управления оказалась неожиданно просторной. Около сорока квадратных метров, низкий потолок на толстых квадратных колоннах, стены, обшитые деревянными панелями. На них сохранились следы прежней жизни: бледные прямоугольники от снятых карт, отверстия от кнопок, жирное пятно на уровне плеча, оставшееся там, где кто-то годами прислонялся к стене.

Вдоль стен стояли шкафы с приборами. Длинные серые стойки оплетали жгуты проводов. На панелях располагались ряды тумблеров, ламп и стрелочных индикаторов, потемневших, как старое серебро. На некоторых ещё держались картонные бирки с выцветшими надписями, сделанными от руки: «Канал 3. Н-С», «Канал 4. Верт.», «Резерв».

Посередине стоял большой стол с наклонной крышкой и прикрученным к нему стулом. Рядом, на тяжёлой железной тумбе, возвышался монитор. Огромный, глубокий, с выпуклым стеклом. Мёртвый и серый, как глаз слепого.

Следы недавнего присутствия обнаружились повсюду. Сначала Вера их не заметила: толстый слой пыли лежал почти на всех поверхностях. Но стол и стул были чистыми, словно кто-то протёр их салфеткой совсем недавно. На столе стояла жестяная крышка от кофейной банки. По краю внутри засохла бурая корочка. Рядом лежал тонкий зелёный кабель в новой пластиковой изоляции. Он спускался от потолка, где был вскрыт кабельный короб, тянулся вдоль

стены и заканчивался штепселем, подключённым к старой советской розетке. Сама розетка, впрочем, была совершенно чистой.

— Кто-то подключал сюда питание, — тихо сказал Илья.

Он присел возле розетки и взял кабель двумя пальцами.

— Кабель современный, огнестойкий, купленный в магазине. Года два, не больше. А вот это... — Он поднял штепсель. — Свежие царапины. Его вынимали на днях.

— Из какого источника? — спросил Северцев.

— Не знаю. Генераторная рядом, но там ржавая рухлядь. Ни один дизель не заведётся после тридцати лет без обслуживания. Значит, его обслуживали.

Екатерина подошла к столу и, не касаясь крышки, склонилась над ней.

— Кофе, — сказала она. — Растворимый. Дешёвый. Высох не больше недели назад: корочка ещё не потрескалась. Видите, она слегка маслянистая? Старый растворимый кофе становится ломким. Этой корочке дня четыре-пять.

— Врачи разбираются в кофе? — спросил Максим.

— Врачи разбираются во всём, что оставляет следы, — спокойно ответила она.

Вера обошла стол. Её не покидало странное ощущение, будто помещение ждало её. Не их всех, не просто людей, которые однажды сюда придут, а именно её. Мысль была нелепой, и Вера отогнала её, как назойливую муху.

В какой-то момент она обнаружила, что стоит совсем близко к монитору и смотрит на его серое стекло. В нём отражалось её лицо: бледное, с тёмными глазами и выбившейся из узла прядью. Чуть позади виднелось высокое отражение Максима. Он смотрел не на экран, а на неё.

— Что? — спросила Вера.

— Ничего. — Он отвёл глаза. — Вы стоите слишком близко к нему.

— К монитору?

— К чему угодно, что может включиться.

Она уже собиралась усмехнуться, но в эту секунду раздался щелчок.

Негромкий, сухой, похожий на щелчок выключателя. Следом из глубины комнаты донёсся низкий нарастающий гул. Сначала тонкий вой трансформатора, затем частое потрескивание. Вера отскочила и наткнулась на Максима. Он мгновенно перехватил её за локти. Его руки оказались горячими. Вера не вскрикнула: горло сжалось, и ей не хватало воздуха.

Экран мигнул. По нему пробежала яркая горизонтальная полоса, оставившая за собой зелёное свечение. Затем начало собираться изображение: сначала чёрный фон, потом белёсая рябь. Наконец в центре экрана ровным светящимся шрифтом появилась надпись.

Дата. Число, месяц и год. Сегодняшняя, до последней цифры.

Под ней отображалось время: 14:07:31, 14:07:32, 14:07:33. Секунды сменяли друг друга, как цифры на вокзальном табло.

В комнате никто не дышал.

— Это невозможно, — очень тихо произнёс Илья. — Здесь нет питания. Нет часов. Нет... Он не подключён. Вы видите штепсель? Он лежит на полу!

— Вижу, — ответил Максим.

Вера достала телефон. Руки плохо слушались. Экран засветился, показывая время. Она прищурилась и сравнила цифры: 14:07:41. На мониторе было то же самое. Секунда в секунду.

Вера смотрела на два ряда цифр, менявшихся одновременно, и чувствовала, как кружится голова.

— Это не может быть просто включением, — произнесла Екатерина. Голос оставался ровным, но пальцы, сжимавшие ручку кейса, побелели. — Такие мониторы разогреваются секунд сорок. Он уже был тёплым. Кто-то только что...

— Здесь никого нет, — перебил Максим. Он отпустил Веру и шагнул к экрану. — Никого, кроме нас.

— Тогда кто его включил?

Максим не ответил. Он наклонился, осмотрел заднюю панель монитора, затем тумбу и пол, где лежал обесточенный кабель. После этого выпрямился и покачал головой.

Вера видела, что он пытается найти рациональное объяснение. Но оно ускользало от него, как гладкий камешек из мокрых пальцев.

Северцев не двигался. Он стоял в дверях, и зелёный свет монитора ложился на его лицо тонкими полосами. В этом свете академик казался похожим то ли на покойника, то ли на святого. Он смотрел не на дату, а на нижнюю часть экрана. Там, под часами, начала проступать ещё одна строка: несколько цифр, разделённых тире.

Строка мигнула раз, другой. Потом экран дрогнул и погас. Совсем. Будто его выключили из розетки, которой не было.

Гул затих. Наступила такая плотная тишина, что у Веры зазвенело в ушах. Она слышала собственное дыхание и даже шорох кусочка штукатурки, осыпавшегося где-то наверху, на лестнице.

— Что там было? — спросила она. — Под часами. Вы видели?

— Нет, — сказал Северцев. — Не успел.

— Вы смотрели прямо на неё.

— Я смотрел, но не успел прочесть.

Он ответил слишком спокойно. Вера поймала взгляд Максима поверх плеча академика и увидела в нём то же самое: «Он видел».

Но Северцев уже повернулся к Илье и заговорил деловито, словно речь шла о простой неисправности:

— Илья Сергеевич, зафиксируйте всё, что можно. Фотографии, замеры, частоты. Мы расположимся здесь на ночь. Захар разберёт генератор.

— Вы собираетесь ночевать в здании, где сам собой включается монитор? — спросил Илья.

Он всё ещё стоял на корточках, но улыбка исчезла с его лица. Илья провёл ладонью по шее, будто бы внезапно почувствовал холод.

— Я собираюсь ночевать там, где есть стены, — ответил Северцев. — Остальное выясним по ходу.

Он вышел. Екатерина немного помедлила, а затем последовала за ним.

Илья принялся доставать приборы: тонкие серебристые чемоданчики, провода, чёрные датчики с острыми ножками. Руки двигались быстро и привычно. Но, когда он нагнулся к ноутбуку, Вера заметила, что он вдруг замер. На его лице появилось выражение человека, который услышал что-то недоступное остальным.

— Илья?

— Всё в порядке, — ответил он, не оборачиваясь. — Только... В этом помещении очень странная акустика. Слишком мало реверберации. Как будто стены кто-то съедает.

Вера подошла к монитору и положила ладонь на стекло. Оно было тёплым.

***

Подземное помещение станции. 16:10-18:00

К четырём часам пополудни свет за пробоинами в потолке стал сначала бледно-лиловым, потом приобрёл цвет мокрого асфальта. В здании, которое и днём оставалось сумрачным, окончательно сгустились сумерки. Наконец Захар запустил небольшой переносной генератор. Он установил его снаружи, под навесом, и в коридоре загорелись четыре лампы на штативах. Жёлтый свет напоминал свечи. От ламп на стенах вытянулись длинные неподвижные тени.

Дверь нашёл Илья.

Как выяснилось позже, он искал вовсе не дверь, а кабельный колодец. Ему хотелось понять, откуда в комнате управления берётся электричество. В кладовой, за грудой ящиков с вывернутыми ячейками, он обнаружил стальной люк в полу. Откинул крышку и увидел под ней лестницу. Узкую, железную, уходившую вертикально вниз, в чёрную прямоугольную шахту. Оттуда тянуло ровным ледяным холодом.

— Здесь сквозняк, — сказал Илья, высунув голову из люка. В тусклом свете лампы лицо его казалось бледным и заострённым. — Значит, там есть второй выход. Или работает система вентиляции. Тридцать лет. Вы понимаете?

— Спускаемся втроём, — сказал Максим. — Остальные ждут.

— Втроём — это кто? — спросила Вера.

— Я, вы и Радулов. Врач нужна наверху. Если что-то случится, она должна остаться живой и целой. Северцев... — Максим на мгновение замялся. — Решит сам.

Северцев решил. Он спустился четвёртым, молча, не спрашивая разрешения. Никто не стал его останавливать.

Лестница уходила вниз метров на пятнадцать. Вера спускалась, держась обеими руками за ледяные, влажные от конденсата перекладины. С каждой ступенью холод менялся. Наверху он был сырым, пропитанным запахом плесени и старого бетона. Здесь же казался сухим и стерильным, с металлическим привкусом на языке.

Внизу покачивался фонарь Максима. Его луч выхватывал из темноты то участок стены, исчерченный кабельными трассами, то ржавую трубу, то гладкий, словно отполированный, бетон. Воздух стоял неподвижно. Вера слышала собственные шаги: ботинки ударялись о железные ступени, но звук почти сразу затихал. Эха не было. Как и в комнате управления, казалось, будто стены поглощали любой шум.

Внизу начинался коридор. Узкий, с круглым сводом, облицованный серой плиткой. Местами на ней расплылись чёрные пятна. Через каждые десять метров к потолку крепился плафон в проволочной сетке. Ни один не горел.

Вдоль стены тянулась толстая труба, окрашенная в зелёный цвет. На ней белой краской были нанесены цифры: «1», «2», «3». Они указывали направление.

Максим шёл быстро. Слишком быстро, подумала Вера. Он не бежал, но двигался с той плавной уверенностью, которая бывает у человека, знающего дорогу. Фонарь держал низко, в левой руке. Правая свободно висела возле пояса.

По обеим сторонам коридора попадались двери. Всего их было три: две заварены наглухо, третья выломана. За ней в темноте виднелись опрокинутые стеллажи. Максим проходил мимо, даже не заглядывая внутрь. Ни разу не направил туда луч фонаря.

Вера догнала его и пошла рядом.

— Вы торопитесь.

— Нет.

— Вы идёте так, будто знаете, где поворот.

— Я иду, как идут по коридору, — ответил он, не поворачивая головы. — По прямой.

— Максим, — тихо сказала она, чтобы не услышали остальные. — Я не хочу ссориться. Но если вы мне не доверяете, я не смогу доверять вам. И тогда одному из нас придётся остаться наверху.

Он остановился. Фонарь качнулся, луч упёрся в стену, и их лица погрузились в полумрак. Вера различала только очертания его лица: широкий лоб, скулу, тёмную ямку на подбородке. Дыхание Максима вырывалось изо рта небольшими облачками пара.

— Я вам доверяю, — сказал он. — Это не одно и то же, что рассказывать вам всё.

— То есть вы знаете, что там?

— Я не знаю, что там. — Голос его стал глуше. — Я знаю, что дальше. Дальше будет дверь. Слева. Железная. Не могу объяснить, откуда я это знаю. Скажем, у меня хорошее чутьё.

— Вы лжёте, — сказала Вера.

— Да, — ответил Максим. — Но не во всём.

Она не успела ничего сказать. Сзади, из темноты, донёсся голос Ильи. Он говорил приглушённо и с неожиданной вежливостью:

— Простите, что перебиваю, но у меня, кажется, проблемы с геометрией. Потому что дверь слева. И она железная.

Они обернулись.

Дверь находилась прямо в стене. Она напоминала лицо без глаз: тёмно-серая стальная плита человеческого роста, без ручки и надписей. Её крепили к бетонной раме массивные заклёпки толщиной с кулак. По краям шёл рубчатый сварной шов.

На уровне груди, чуть правее центра, в металл был врезан узкий серый прямоугольник электронного замка. Крошечный экран, десять кнопок и погасший зелёный диод.

У Веры пересохло во рту.

— Тридцать лет, — выдохнул Илья. — Замок с цифровым табло. В восемьдесят седьмом. Вы понимаете? Это не просто старая дверь. Такая техника опережала своё время на десятилетия. В Союзе подобные системы ставили на стратегических объектах. На ядерных хранилищах.

— Диод не горит, — заметил Максим.

— Разумеется. Питания нет. Его здесь вообще не должно быть.

Илья осторожно коснулся кнопок. Они нажимались туго, с глубоким механическим ходом. Максим положил ладонь на стальную поверхность, затем приложил к ней ухо и закрыл глаза. Вера уже видела это выражение его лица в своей гостиной. Казалось, он пытался уловить то, чего остальные не могли ни услышать, ни почувствовать.

— Холодная, — произнёс он. — Но не мёртвая. Там что-то есть...

Максим замолчал.

— Что именно? — спросила Вера.

— Не знаю. Не хочу гадать. — Он отнял руку и посмотрел на Северцева. — Академик?

Северцев стоял немного в стороне, возле зелёной трубы. Фонарь освещал половину его лица, оставляя другую в тени. Он выглядел совершенно спокойным, почти бесстрастным. Но взгляд был устремлён куда-то внутрь себя, в далёкую точку, до которой никому из присутствующих не было дела.

Вера вдруг заметила, насколько он устал. За последние дни академик постарел на несколько лет.

— Код у меня есть, — сказал он.

Все замолчали.

— Простите? — переспросила Вера.

— Мне передали его в Москве три недели назад. В запечатанном конверте, без объяснений. Сказали только, что он может понадобиться на станции «Север-12». — Северцев достал из внутреннего кармана пальто тонкий конверт. На нём стояла одна подпись, размашистая и

знакомая. Вера сразу узнала её: «А. Громов». — Я не знал, к какой двери он относится. Да и о самой двери ничего не знал.

— Вы и об этом молчали, — сказала Вера.

— Я не молчал. Я не знал. — Северцев вынул из конверта небольшой клочок бумаги. — Вера Андреевна, я обещал вам ответы. Больше откладывать нельзя. Начну с этого. Подведите свет.

Максим направил фонарь на панель.

Северцев посмотрел на бумажку и набрал шесть цифр. Он нажимал кнопки медленно, одну за другой. Каждый раз в тишине раздавался сухой щелчок. Закончив, академик нажал большую зелёную клавишу с буквой «В».

Замок щёлкнул.

На панели загорелся изумрудный диод, а на маленьком экране замелькали цифры. Из глубины двери донёсся металлический лязг. Следом послышался низкий гул: внутри один за другим отходили тяжёлые засовы.

Звук оборвался так же внезапно, как начался.

Дверь медленно подалась вперёд и приоткрылась на несколько сантиметров. Из щели потянуло холодом.

— Откуда ток? — прошептал Илья.

Никто не ответил.

Максим упёрся плечом в створку. Та поддалась с усилием, но открылась почти бесшумно. Петли были смазаны. Луч фонаря скользнул по порогу и остановился на внутренней стороне металлической двери.

Вера подошла ближе.

На стали была выцарапана надпись. Буквы прорезали глубоко, неровно, словно человек работал острым инструментом в спешке. В углублениях темнела старая копоть.

Надпись занимала несколько строк:

«НЕ ПОЗВОЛЯЙТЕ ИМ УСЛЫШАТЬ ВТОРОЙ СИГНАЛ».

Ниже виднелись ещё какие-то слова, написанные мельче. Вера наклонилась, пытаясь разобрать их, но Максим уже шагнул за порог. Его широкая спина заслонила свет фонаря, и вместе с ним в узкий проём вошла темнота.

— Я первый, — сказал Максим. — Не входите, пока я не скажу.

Прошла секунда. Потом ещё одна. Вера считала про себя, прислушиваясь к шагам за дверью. Десять секунд спустя они стихли.

Максим ничего не говорил. Вера не слышала ни его голоса, ни движения. Эта тишина пугала сильнее любого крика.

— Максим?

— Идите сюда, — отозвался он из-за двери. Голос звучал глухо, почти без выражения. — Только... будьте готовы.

Вера переступила порог.

Перед ней была небольшая комната: шагов шесть в длину и четыре в ширину, с низким потолком и серыми бетонными стенами. Здесь было сухо и чисто, почти как в каюте подводной лодки.

Вдоль левой стены стояла железная койка. На ней лежал тонкий матрас, поверх которого было аккуратно заправлено серое одеяло. Края подоткнуты так тщательно, как будто кровать готовили к проверке. Рядом находилась стальная тумба. На ней стояли эмалированная кружка и пустая алюминиевая миска, а возле них лежала стопка книг с потёртыми корешками.

Над койкой висел отрывной календарь. На раскрытой странице крупно обозначался год: 1987-й. Октябрь. Двенадцатое число было обведено красным карандашом.

В углу стояла небольшая железная печка-буржуйка. Она уже остыла, хотя металл ещё хранил остаточное тепло. Сверху темнел закопчённый чайник. Под потолком красным светом горела аварийная лампа. Она была единственным источником света в комнате.

За столом, спиной к двери, сидел человек.

Он держался очень прямо, положив руки на колени. Голова была слегка наклонена вперёд, так будто он задремал над работой. На нём была советская военная форма: серо-зелёный китель с жёсткими погонами, на которых Вера различила две звёздочки. Брюки с тёмной полосой, высокие чёрные сапоги. Даже в тусклом свете они казались начищенными.

На спинке стула висела шинель. На столе рядом лежала шапка-ушанка с эмалевой звёздочкой.

Вера сделала шаг. Подошва скрипнула по бетону, и этот звук показался оглушительным.

— Не подходите близко, — негромко предупредил Максим.

Он стоял в двух шагах от стула, опустив фонарь. Лицо его было напряжённым.

— Здесь что-то не так.

— Он мёртв?

— Да.

— Давно?

Максим не ответил.

Вера обошла стол и увидела лицо незнакомца. Мужчине было около тридцати. Короткие русые волосы, аккуратные, немного тяжеловатые черты, прямой нос и упрямый подбородок. Глаза закрыты, губы плотно сжаты.

Лицо оставалось спокойным, почти умиротворённым. В нём не было ничего пугающего само по себе. Страшным казалось другое: кожа не потемнела, не осунулась, не покрылась плесенью. Она была бледной, с лёгким восковым оттенком, но сохранила человеческий вид. У глаз виднелись мелкие морщинки, на подбородке проступала едва заметная щетина.

Он совсем не походил на мумию. Скорее на человека, который ненадолго прикрыл глаза за столом и так и не проснулся.

— Господи... — Илья остановился в дверях. — Нет. Этого не может быть. Тридцать лет. Человек не может так сохраниться. Даже в вечной мерзлоте! Это не мумификация. Это...

— Не делайте выводов, пока мы ничего не знаем, — оборвал его Максим.

— Позвольте.

Северцев вошёл последним. Он двигался медленно, будто бы шёл во сне, и держал спину непривычно прямо. Остановившись перед столом, академик посмотрел на лицо мёртвого.

Вера следила за ним и заметила, как изменилось его выражение. За весь день она впервые увидела, что Северцев не сумел сохранить привычное спокойствие. Его губы едва заметно дрогнули. На мгновение они раскрылись, и он беззвучно произнёс какое-то слово.

Затем губы сомкнулись. Лицо академика снова стало непроницаемым.

— Вы его знаете, — сказала Вера.

— Позвольте мне... — начал Северцев.

— Вы его знаете, — повторила она. На этот раз голос прозвучал жёстче, чем ей хотелось.

Академик повернулся к ней. Серые глаза потемнели

— Знаю. Капитан-инженер Николай Петрович Дорохов. Техник по связи. В 1987 году ему был тридцать один год. Я видел его дважды. Первый раз, когда оформляли допуск, второй... — Северцев замолчал. — На похоронах. Его хоронили в закрытом гробу. Через неделю после того октября.

— Хоронили, — медленно повторила Вера. — А он сидит здесь.

— Да.

— Но это не может быть он.

— Посмотрите на карман, — сказал Северцев.

Максим молча наклонился над телом. Он действовал осторожно, почти по-сапёрному: двумя пальцами отогнул борт кителя и достал из внутреннего кармана небольшую книжицу в потёртой обложке.

Это было удостоверение офицера Советской Армии. Красные корочки, герб, фотография того самого человека. На снимке Дорохов выглядел немного моложе: гладко выбритое лицо, аккуратная причёска, неловкая полуулыбка. Вера рассмотрела печать, подпись и дату выдачи: 1985 год.

Вместе с удостоверением из кармана выпал сложенный вчетверо листок. Старое свидетельство о смерти. Бумага пожелтела, фиолетовая печать расплылась, но текст ещё можно было прочитать.

«Дорохов Н. П. Дата смерти: 12.10.1987. Причина: острая сердечная недостаточность».

— Это он, — произнёс Максим. — Фотография совпадает. Документы выглядят подлинными. Бумага старая. Если подделка, то очень хорошая.

Илья отступил и задел плечом дверной косяк.

— Тридцать лет... Нет. Такого не бывает. Мёртвые не сидят за столами. Кто-то всё это устроил. Подложил тело, документы...

— Екатерину, — тихо сказал Северцев. — Позовите Екатерину.

Врач спустилась через пять минут. Она шла быстро, но без суеты. В одной руке несла медицинский кейс, в другой небольшую сумку с инструментами. Остановившись у порога, внимательно осмотрела комнату и подошла к телу.

Надев латексные перчатки, Екатерина достала из кармана налобный фонарь. Вера отошла к стене. Ей хотелось отвернуться, но она заставила себя смотреть. Максим встал рядом, чуть впереди, словно заслоняя её от происходящего. Вера не стала возражать.

Врач работала молча и последовательно. Щёлкнули застёжки сумки. В руках блеснул термометр. Екатерина проверила шею и виски, осторожно приподняла веко. Глаз под ним выглядел тусклым, роговица помутнела, но не запала.

Она согнула руку покойного в локте, затем выпрямила её. Надавила пальцем на кожу над ключицей, наблюдая за изменением цвета. Потом наклонилась к груди, прислушиваясь к тому, что уже не могло отозваться.

Вдруг Екатерина приподняла прядь волос за ухом и направила фонарь в слуховой проход. Её лицо на мгновение застыло.

— Что? — спросил Максим.

— Ничего. — Врач выпрямилась. Она старалась сохранять спокойствие, хотя под левым глазом заметно дёрнулась тонкая жилка. — Мне нужно проверить ещё кое-что.

Она достала из сумки термометр с длинным щупом. Вера отвернулась.

Прошло около десяти минут. Екатерина продолжала осмотр. Лишь однажды она попросила Илью подержать лампу. Он послушно встал рядом. Лицо у него побледнело, губы были плотно сжаты, а руки дрожали так сильно, что свет ходил по стенам.

Наконец врач закончила. Сняла перчатки, бросила их в пакет и плотно завязала его.

— Я не могу этого объяснить, — сказала она.

— Скажите, что видите, — попросил Северцев.

— Окоченение выражено слабо и уже проходит. Значит, с момента смерти прошло не меньше трёх суток, но вряд ли больше пяти. Трупные пятна бледные, расположены в нижних участках тела и ещё не зафиксировались. При надавливании исчезают. Температура тела всего на два градуса выше температуры помещения. Оно остыло примерно так, как и должно остыть за этот срок. Роговица помутнела, слизистые ещё не высохли. Нет гниения, нет мумификации. Нет никаких признаков того, что человек пролежал здесь тридцать лет.

Екатерина посмотрела сначала на Северцева, затем на Веру.

— Этот мужчина умер на этой неделе. Я бы сказала, около трёх суток назад. Плюс-минус.

В комнате стало так тихо, что Вера услышала звон в собственных ушах.

— Но свидетельство о смерти... — с трудом произнёс Илья. — Похороны. Закрытый гроб.

— Я врач, а не историк, — ответила Екатерина. — Я говорю о том, что вижу. Двенадцатого октября 1987 года этот человек не умер. Или умер, но не совсем.

— Что значит «не совсем»? — спросил Максим.

— Не знаю. — Екатерина сняла налобный фонарь и аккуратно положила его на стол. — И, откровенно говоря, не хочу строить догадки.

— Причина смерти?

— Внешних повреждений нет. Следов борьбы тоже. Яд без лабораторных анализов определить не смогу.

Врач на секунду задумалась.

— Он умер сидя. Такое впечатление, будто ему сказали: «Подожди здесь», и он послушно ждал. До самого конца.

Вера почувствовала под ладонью, прижатой к бетонной стене, слабую дрожь.

Это не был звук. Скорее едва уловимая вибрация, которую трудно описать словами и невозможно было бы внести в протокол. Вера вспомнила, как когда-то в студенческие годы лежала на скале в Хибинах и прислушивалась к движению породы в глубине. Здесь ощущалось нечто похожее.

Вибрация повторялась через равные промежутки времени. Раз в семнадцать минут сорок три секунды.

Вера перевела взгляд на тело. Из-под обшлага кителя выглядывал металлический браслет часов. Она подошла ближе и, преодолевая отвращение, осторожно отогнула рукав.

На запястье Дорохова были советские часы «Полёт» с жёлтым циферблатом и потёртым кожаным ремешком. Стекло покрывали царапины.

Секундная стрелка двигалась.

Она не замирала и не дёргалась. Шла ровно, с едва заметным дрожанием. Часы показывали 16:44.

Вера посмотрела на экран телефона: 16:44:09.

Часы шли точно.

— Они работают, — прошептала она.

— Механические часы, — отозвался Илья, не двигаясь с места. — Их нужно заводить. Каждый день или хотя бы раз в сутки. Значит, кто-то...

Он не договорил.

— Или сам Дорохов, пока был жив, — предположила Екатерина.

— Нет, — тихо сказал Максим. — Он умер три дня назад. Значит, часы заводили уже после его смерти. Здесь кто-то был. Совсем недавно. И хотел, чтобы мы их заметили.

— Зачем? — спросила Вера.

— Чтобы мы их увидели.

Северцев стоял у стола, опираясь рукой о край. Его длинные тонкие пальцы побелели. Он смотрел на лицо Дорохова, и Вера никак не могла понять, что скрывается за этим взглядом.

Это был не страх и не скорбь. Скорее узнавание в чужом лице собственное отражение, постаревшее на тридцать лет.

— Вера Андреевна, — произнёс он тихо. — Вы просили ответов. Вот первый. Я не знаю, что это. Я говорю правду. Я не знаю.

— Это не ответ.

— Это самое честное, что я могу сказать.

Она не стала спорить. Не было сил. Она стояла посреди каменной комнаты рядом с человеком, которого похоронили тридцать лет назад и который умер три дня назад, и думала только

о том, что на двери, у неё за спиной, вырезано предупреждение. «Не позволяйте им услышать второй сигнал». Первый уже идёт. Она слышала его кожей. Второй...

— А что там под надписью? — спросил вдруг Максим.

Все повернулись. Он стоял у двери и светил на внутреннюю сторону створки. Под вырезанными буквами, мельче, почти нечитаемо, то же острое орудие оставило ещё несколько знаков: два слова и цифры.

— «Ищите Лопарь», — прочёл он. — И дата. Двенадцатое десятого, восемьдесят седьмого. Больше ничего.

— Он сам вырезал это? — спросила Вера.

— Кто-то вырезал. Давно. Копоть в бороздках старая. — Максим провёл пальцем по буквам. — А вот это, — он подвёл фонарь ниже, — совсем свежее.

В самом низу створки, у самого пола, едва заметная, как царапина, шла ещё одна строка: белёсая, не въевшаяся копотью, нанесённая чем-то острым недавно. Пять цифр. Вера опустилась на колени и разобрала их: «17:43».

Она подняла голову. Максим смотрел на неё, и в его глазах, обычно спокойных, как вода, она увидела то, чего боялась увидеть: он испугался. Не за себя.

— Выходим, — сказал он. — Все. Сейчас.

***

Станция «Север-12», комната связи. 23:00-00:30

Ночь на станции не наступила, а просочилась: сначала погасли пробоины в потолке, потом утонули в чернильном небе антенны, и наконец за узкими окнами остался только ветер. Он гудел теперь без перерыва, ровно, как гудит в трубе, и временами к нему примешивалось что-то ещё, тонкое и дрожащее, похожее на отдалённое пение. Илья утверждал, что это резонанс мачты. Вера не спорила. Она просто перестала слушать.

После того как они вышли из подземной комнаты, всё закрутилось быстро и буднично, и от этой будничности было только страшнее. Северцев коротко распорядился дверь закрыть. Максим набрал за ним шесть цифр, и засовы вернулись на место с тем же глубоким, мощным лязгом. Екатерина сфотографировала тело со всех сторон, составила протокол на двух листах, заклеила шов между створкой и рамой полоской бумаги, и расписалась на ней поперёк, чёрным маркером, и заставила расписаться Веру и Илью. Захар молча спустил вниз канистру с бензином и вернулся без неё. Никто не спрашивал, что он там делал. Потом все поднялись наверх, в бывшую столовую, где при свете ламп на штативах раскинули палатки-спальники, и Захар сварил на газовой горелке огромный котелок гречки с тушёнкой. Ели молча. Вера съела всё, что ей положили, и не почувствовала вкуса.

Северцев ушёл к себе рано. Он выбрал для сна бывший кабинет начальника станции на втором этаже, где уцелела половина крыши, и перед тем, как подняться, остановился возле Веры и сказал ей, склонив голову:

— Я помню своё обещание. Дайте мне до утра.

— Вы уже один раз просили у меня времени, — ответила Вера.

— И получил, — улыбнулся он одними губами. — Благодарю.

Максим слышал их разговор. Вера поняла это по тому, как изменилась тишина за её спиной. Она не обернулась.

К одиннадцати вечера лагерь затих. Или только притворился спящим. Екатерина устроилась в углу столовой. Её шерстяной спальник цвета слоновой кости лежал на аккуратно сложенном брезенте. Из-под капюшона доносилось ровное дыхание. Захар остался снаружи, в фургоне. Мотор работал, ружьё лежало у него на коленях.

Вера лежала поверх спальника, не снимая обуви, и смотрела в потолок. Она пыталась считать промежутки между порывами ветра. На двенадцатом сбилась, поднялась и села.

Тетрадь Громова лежала в сумке у изголовья. Вера достала её, но не стала открывать. Вместо этого спрятала под водолазку, прижав к рёбрам. Жёсткий прямоугольник ощущался сквозь ткань. Поступок был глупым, она это понимала. И всё же с тетрадью под одеждой ей стало немного спокойнее.

Радиоузел находился в конце коридора первого этажа. За деревянной дверью висела табличка: «Связь. Посторонним вход воспрещён». Илья занял комнату ещё засветло. Теперь из-под двери пробивалась узкая полоска голубого света.

Вера остановилась и тихо постучала костяшками пальцев по косяку.

— Не спите? — спросил Илья, не оборачиваясь.

— А вы?

— Мой сон весь уходит на то, что я не могу заснуть. — Он повернулся на вращающемся кресле и улыбнулся. Улыбка получилась усталой, мягкой, почти детской. Лицо сразу помолодело лет на десять. — Заходите. Только дверь прикройте, сквозняк. И на тот ящик не садитесь. Кажется, у него ножки трёх разных длин.

Комната была небольшой, около пятнадцати квадратных метров. Почти всё пространство занимало старое оборудование.

Вдоль левой стены тянулся широкий пульт радиста, обтянутый выцветшей клеёнкой. Под потрескавшимся стеклянным колпаком находился ключ Морзе. Рядом располагались ряды тумблеров и ручек настройки, а чуть дальше стояли катушки, похожие на деревянные шпульки.

Над пультом висела таблица позывных, заляпанная следами мух, и расписание радиообмена. Последняя запись была сделана в сентябре 1994 года.

Справа стоял ржавый стеллаж с картонными коробками, в которых хранились магнитные ленты. На каждой от руки было выведено: «Приём. Окт. 87».

Окно заложили кирпичом изнутри. Воздух здесь почти не двигался и пах пылью, озоном и канифолью.

Посреди комнаты Илья устроил собственную лабораторию. На двух сдвинутых столах стоял ноутбук с гладким чёрным корпусом, рядом лежал внешний накопитель. Три плоских датчика соединялись кабелями с аппаратурой. Наушники висели на краю стола.

Свет исходил только от экранов. Из-за голубоватого свечения лицо Ильи казалось бледным, как будто он только что вынырнул из холодной воды.

— Сколько вы уже здесь сидите? — спросила Вера.

— С шести. Генератор даёт чистое питание. Я запустил запись со всех трёх датчиков. Сейсмоприёмники установил прямо в пол. Бетон здесь лежит на скале, для таких измерений лучше почти не придумать.

Он указал на экран. По нему тянулись три длинные лиловые линии.

— Вот обычный шум. Вот ветер. А это ваш Лопарь, километров сорок к западу. Пока ничего внятного. А теперь посмотрите сюда.

Илья нажал клавишу. Лиловые линии замерли. Поверх них появилась яркая жёлтая вертикаль.

— Семнадцать сорок три, — сказал он. — Время регистрации 23:06. Следующий сигнал ожидается через четыре минуты.

Вера подошла ближе.

От Ильи пахло кофе, нагретой электроникой и чем-то сладковатым, похожим на запах комнаты, в которой долго горела лампа. Волосы у него растрепались, свитер растянулся на локтях. Но глаза оставались ясными. При свете монитора они казались почти белыми. Илья смотрел на график с такой сосредоточенностью, боясь спугнуть то, что появлялось на экране.

— Лопарь принимает его как далёкий шум. А здесь сигнал сильнее? — спросила Вера.

— В семь раз выше отношение сигнал/шум. Это не значит, что сама амплитуда увеличилась в семь раз. Просто на фоне остальных помех сигнал здесь различим гораздо лучше.

Илья провёл рукой по волосам.

— Вера, мы не в центре источника, но находимся очень близко. Я попробовал определить его положение по разнице во времени прихода сигнала на датчики. Получается странная вещь. Источник не находится прямо под нами. Более того, он вообще не похож на одну точку. Координаты будто бы растянуты. Будто мы имеем дело не с отдельным излучателем, а с длинной полостью. И стоим у самого её края.

— Резонатор, — сказала Вера.

— Да. Причём достаточно большой, чтобы создавать колебания на частоте двенадцать герц.

Илья повернулся к ней.

— Вы чувствуете?

— С самого утра.

Она не стала скрывать правду.

С тех пор как они свернули с бетонной дороги, у основания черепа держалось глухое давление. Оно то усиливалось, то ослабевало, напоминая далёкую зубную боль. На лестнице,

ведущей под землю, стало хуже. В комнате за стальной дверью ощущение почти невозможно было терпеть.

Теперь Вера заметила ещё одну странность. Каждый раз, когда на экране появлялась жёлтая линия, внутри груди возникал слабый толчок. Словно под рёбрами билось второе сердце. Чужое, медленное и совершенно чуждое ей.

— Екатерина говорит, что у вас это пройдёт, — заметил Илья.

— Екатерина слишком часто говорит о том, что у меня пройдёт.

— Она заботливая.

— Она наблюдательная. Это разные вещи.

Илья тихо рассмеялся и придвинул к ней второй стул.

— Садитесь. Вы мне нужны. Хочу, чтобы вы посмотрели на одну вещь и сказали, что я окончательно сошёл с ума.

Он вывел на экран вторую запись.

Вера наклонилась к монитору. Спектрограмма была ей знакома: тысячи тонких горизонтальных линий разной яркости, складывавшихся в причудливый рисунок. Она видела подобные изображения вчера в Центре, позавчера и почти каждый день на протяжении последних трёх недель.

Но здесь, на большом экране, где Илья растянул запись по времени в двести раз, структура выглядела иначе. Постепенно проступал повторяющийся рисунок. Каждый импульс состоял из шестидесяти четырёх коротких фрагментов. Они отличались друг от друга, но подчинялись какой-то общей последовательности. Вера невольно подумала о буквах алфавита, которые меняются местами в словах.

— Я пробовал разные способы расшифровки, — сказал Илья. — Манчестерский код, двоичную фазовую модуляцию, амплитудно-импульсный вариант. Ничего не получалось. Пока я не посмотрел ваши записи.

— Какие записи?

— Тетрадь Громова. Я сфотографировал несколько страниц, пока вы ехали в машине. Простите, нужно было спросить разрешения.

Он опустил глаза.

— На двадцать седьмой странице Громов делит частоту на двенадцать равных интервалов и обозначает их цифрами. Не нотами и не буквами. Цифрами. Я подумал, что сигнал может передавать числа. Каждый фрагмент соответствует цифре от нуля до одиннадцати. Двенадцатеричная система. И тогда...

Илья нажал клавишу.

На экране появилась сетка с цифрами, выстроенными в аккуратные столбцы.

— Двенадцатеричная, — медленно произнесла Вера.

— Как часы. Как месяцы.

— Как углы, градусы и минуты, — добавила она.

— Вот именно. Я перевёл значения в обычную десятичную запись. Получилось шесть групп. Они повторяются в каждом импульсе, но с небольшими сдвигами. Будто сигнал сам себя уточняет. Будто кто-то диктует сообщение по буквам несколько раз подряд, чтобы принимающий не ошибся.

— Покажите.

Илья выпрямился в кресле и прокашлялся.

— Первая группа: шестьдесят семь, сорок один, двенадцать. Это широта: шестьдесят семь градусов, сорок одна минута, двенадцать секунд северной широты. Вторая: тридцать шесть, пятьдесят восемь, четыре. Долгота, восточная. А дальше...

Он замолчал.

На секунду Илья прикрыл глаза. Вера заметила, как под веками дрогнули зрачки. Потом он открыл глаза и продолжил уже другим, непривычно ровным голосом:

— Дальше идёт ещё один ряд: ноль, три, одиннадцать, три, шесть, пять. Я пока не понимаю, что это. Поправка, высота, азимут. Нужно сверять.

— Вы сказали «а дальше» и замолчали, — заметила Вера.

— Простите?

— Вы снова замолчали. Как в машине. — Она внимательно посмотрела на него. — Вы что-то слышите, Илья?

Он не ответил сразу.

Улыбка застыла на его лице. Прошло несколько секунд, и уголок губ едва заметно дрогнул. Илья сунул руку в карман свитера и достал наушники.

Только теперь Вера заметила второй монитор. Небольшой экран стоял сбоку, почти вплотную к стене. На нём было открыто ещё одно окно: серая волна, разделённая на крошечные фрагменты, а под ней располагались узкие строки текста. С её места разобрать их было невозможно.

Илья нажал клавишу. Окно исчезло.

— Я слышу тишину, Вера Андреевна, — сказал он. — Слышу вентилятор. Слышу, как вы дышите. Ничего такого, что можно было бы внести в протокол, я не слышу. Это я называю нормальным рабочим состоянием.

— Это не ответ.

— Знаю. — Он развёл руками. В этом жесте было что-то беспомощное. — Но иногда человеку лучше промолчать, пока он сам не разобрался в происходящем.

Вера хотела настоять. Даже потянулась к клавиатуре, чтобы вернуть свёрнутое окно. Но вспомнила утренний разговор, когда Илья сказал, что ему кажется, будто кто-то набирает текст. Тогда он тоже замолчал, а вернувшаяся на его лицо улыбка выглядела уже совсем иначе.

Вопросов у неё накопилось достаточно. Они лежали в памяти один на другом, как нераспечатанные письма.

— Хорошо. Но когда будете уверены, расскажете.

— Первой, — пообещал Илья.

В коридоре послышались шаги.

Вера узнала их сразу: ровные, размеренные, с лёгким нажимом на пятку. Максим стоял в дверях. Она даже не заметила, когда он подошёл.

В руке у него была железная кружка, от которой поднимался пар. Максим молча поставил её перед Верой на пульт радиста.

Чай. Крепкий, с тремя ложками сахара. Она почувствовала сладкий запах и вдруг поняла, что именно такого чая ей сейчас хочется.

— Спасибо, — сказала она.

— Вы не спите.

— Вы тоже.

— Я на посту.

Максим вошёл в комнату. И без того тесное помещение сразу стало меньше. Он остановился у стеллажа, провёл рукой по одной из коробок с лентами, прочитал надпись и медленно поставил её на место.

Лицо оставалось непроницаемым. Но Вера заметила, как он чуть склонил голову набок. Так же, как она сама делала, когда пыталась уловить слабую вибрацию.

Похоже, он тоже что-то чувствовал.

— Радулов, вы закончили? — спросил Максим.

— Почти. Максим, у меня есть координаты. Хотите посмотреть?

— Хочу.

Илья развернул ноутбук к нему, открыл картографическую программу и ввёл полученные значения.

На экране появилась спутниковая карта Кольского полуострова. Изрезанная береговая линия, зелёные и бурые участки тундры, серебристая полоса залива, белые линии дорог. Красная точка остановилась у побережья Баренцева моря, примерно в семидесяти километрах от Териберки.

Илья увеличил масштаб. Потом ещё раз.

На снимке проступил серый каменистый берег, покрытый лишайником. К морю тянулся небольшой ручей. Ни домов, ни дорог, ни каких-либо следов человеческого присутствия.

— Здесь ничего нет, — сказала Вера.

— Здесь ничего нет, — подтвердил Илья. — Я проверял снимки за разные годы. Пустой берег. Но есть одна странность.

Он открыл другую вкладку.

— Я скачал топографическую основу, которую используют гражданские картографические службы. Посмотрите.

Поверх спутникового изображения появилась тонкая сетка высотных отметок. Горизонтали шли ровными линиями, повторяя рельеф местности. Но в центре, там, где стояла красная точка, зиял белый круг.

Внутри не было ни высот, ни названий, ни каких-либо обозначений. Просто пустое пространство диаметром около двух километров.

— Ошибка отображения, — предположила Вера.

— Я тоже так решил. Но на соседних участках всё нормально. Вот трубопровод, вот линия электропередачи. А здесь пустота.

Илья переключился на другой файл.

— Я сверил координаты с картой Генерального штаба. Помните, масштаб один к ста тысячам? Карта 1990 года, её скан есть в сети. Там то же самое. Только круг закрашен серым и снабжён подписью: «Запретная зона. Не картографируется».

— Не картографируется, — повторил Максим.

Его голос прозвучал глухо.

Вера оглянулась. Максим стоял за её плечом. В голубом свете экрана лицо его казалось лицом человека, который долго шёл по тёмной улице и наконец увидел собственный дом. Только радости в этом взгляде не было.

— Максим, — тихо сказала она. — Вы знаете это место?

— Нет.

— Тогда почему смотрите на карту так, будто узнали его?

— Я смотрю на карту. Это не одно и то же.

— Вы уже отвечали мне так.

— И не соврал.

— Вы не ответили. Это другое.

Они замолчали.

Между ними гудели приборы, потрескивал динамик, а под потолком тихо шелестел сквозняк. Вера вдруг поймала себя на том, что хочет, чтобы Максим положил руку ей на плечо. Просто прикоснулся, без объяснений и обещаний. Как человек, которому нечего сказать, но который хочет дать понять, что он рядом.

Мысль оказалась такой неожиданной, что Вера рассердилась на себя. Она отвернулась и указала на экран.

— Что означает последний ряд? Вы говорили о поправке, высоте или азимуте.

— Пока не знаю, — ответил Илья. — Но он идёт после координат и остаётся неизменным во всех импульсах. Я проверил четыре тысячи пятьсот повторений. Ни одного сбоя. Это не

шум и не часть координат. Скорее всего, подпись или метка. Что-то вроде контрольной суммы, только предназначенной для человека.

— Для человека? — переспросила Вера.

— Для того, кто знает, как её прочитать.

Илья достал из-под ноутбука листок с цифрами. Они были записаны карандашом, торопливым неровным почерком.

— Вот. Ноль три, одиннадцать три, шесть пять. В двенадцатеричной системе. Если перевести пары в десятичную, получаем девятнадцать, ноль четыре, пятьдесят четыре. Девятнадцать, ноль четыре, пятьдесят четыре. Или, если записать подряд: один девять, ноль четыре, пять четыре...

Он поднял голову и осёкся.

Вера уже не слушала.

Она смотрела на листок. На цифры, выведенные карандашом, и на мгновение перестала чувствовать комнату вокруг себя. Воздух стал плотным, как вода.

Девятнадцатое апреля. Тысяча девятьсот пятьдесят четвёртый год.

Эту дату она помнила лучше собственного номера телефона. Заполняла её в анкетах, писала в школьных сочинениях, выводила на открытках, которые теперь было некому отправлять.

В детстве она выучила её раньше таблицы умножения: «Папин день рождения. Девятнадцатое апреля».

Каждый год они с матерью пекли пирог с брусникой и ставили свечу на подоконник. Отец любил повторять, что в этот день световой день становится длиннее и можно дольше гулять.

После его смерти мать пекла пирог ещё два года. Потом перестала.

Вера продолжала печь его одна, на съёмной кухне, хотя сама уже не могла объяснить, зачем.

Она протянула руку. Пальцы коснулись листка, но удержать его оказалось трудно.

— Вера? — позвал Илья.

— Девятнадцатое апреля пятьдесят четвёртого года, — произнесла она. Голос звучал плоско и чуждо. — Андрей Александрович Соколов. Родился в Новосибирске. Умер двадцать три года назад.

— Вера...

— Это день рождения моего отца.

В комнате никто не произнёс ни слова. Только потрескивал эфир.

Илья так резко побледнел, что веснушки на носу стали заметнее. Он открыл рот, но не нашёл слов. Потянулся к Вере, однако остановил руку, не решившись прикоснуться.

— Совпадение, — наконец сказал он. — Может быть, это совпадение. Двенадцать цифр, и только три из них...

— Это не совпадение, — произнёс Максим.

Вера повернулась к нему.

Он стоял совсем близко. Она чувствовала тепло его куртки и запах мокрой шерсти, смешанный с металлическим запахом снаряжения. Лицо Максима было серым, как бетон. Под щетиной ходили желваки.

— Это адрес, — сказал он. — Координаты, а в конце имя. Тот, кто отправляет сигнал, знает, кому он адресован.

— Вы хотите сказать, что мой отец...

Она не смогла закончить.

— Я хочу сказать, что это сообщение шло в пустоту тридцать лет. Его никто не мог прочитать. А теперь прочитали вы.

Максим осторожно положил ладонь ей на плечо. Вера почувствовала тяжесть его руки сквозь шерсть пальто. Он прикоснулся бережно, боясь причинить боль. Она не отстранилась.

— Вера, посмотрите на меня.

Она подняла глаза.

Серые глаза Максима были совсем близко. В них не осталось привычной сдержанности. Только усталость, страх и что-то ещё, чему Вера пока не могла подобрать название.

— Мы не уйдём отсюда, пока не выясним, что происходит. Но вы туда одна не пойдёте. Слышите? Ни при каких обстоятельствах. Что бы вам ни показали. Что бы ни сказали. Что бы вы ни услышали.

— Почему вы так говорите? — прошептала она.

— Потому что с вами могут заговорить голосом, который вы захотите услышать.

Эти слова повисли между ними.

Вера хотела спросить, откуда Максим знает об этом. Но передумала. Она чувствовала, что он может ответить правду. А к этой правде пока не была готова.

Где-то наверху, в бывшей столовой, глухо стукнуло.

Потом ещё раз.

Максим мгновенно развернулся. Движение было настолько быстрым, что Вера едва успела заметить, как в его руке появился пистолет. Тёмный, тяжёлый, настоящий. Она даже не поняла, где он его держал.

— Оставайтесь здесь.

Максим вышел, и дверь за ним закрылась.

Они остались вдвоём с Ильёй.

Тот смотрел на Веру, беззвучно шевеля губами. Она не сразу поняла, что он повторяет одно и то же время:

«Двадцать три ноль-шесть. Двадцать три ноль-шесть».

На мониторе перед ним вспыхнула жёлтая вертикальная линия.

В груди Веры отозвался тяжёлый, медленный толчок. Чужой. Словно кто-то глубоко под землёй, за толщей гранита, постучал изнутри в её рёбра.

В ту же секунду из соседнего помещения, из комнаты управления, где днём сам собой включился монитор, донёсся тонкий нарастающий гул трансформатора.

Илья медленно повернул голову к стене. Вера уже знала, что он услышит.

Из соседней комнаты доносилось едва различимое щёлканье. Ровное, механическое, будто кто-то набирал на старой клавиатуре дату, которая ещё не наступила.

На столе дрожал листок с цифрами: девятнадцать, ноль четыре, пятьдесят четыре.

День рождения отца. Адрес, которого нет на карте.

День третий. Под каменной кожей

Лагерь экспедиции, станция «Север-12». 05:30–07:00

Ночью выпал мокрый снег. К половине шестого утра он прекратился, будто кто-то наверху закрутил кран.

Максим Орлов стоял с наветренной стороны лагеря и слушал, как тундра приходит в себя после непогоды. Ветер стих, но окончательно не ушёл. Он кружил за скалами, заглядывал в проломленную крышу станции и время от времени налетал на палатки, заставляя брезент глухо хлопать.

В темноте слышались редкие щелчки. Карликовая берёза сбрасывала с ветвей остатки мокрого снега. В городе такой звук легко затерялся бы среди машин и голосов. Здесь он казался слишком отчётливым.

На востоке проступала синеватая полоса. До рассвета оставалось ещё несколько часов.

Максим не любил это время. Ночь уже отступала, но утро никак не решалось вступить в свои права. Часы будто застряли между двумя состояниями. Он знал, что люди, умеющие убивать, нередко выбирают для своих дел такие промежутки. Знал не из книг.

Лагерь расположился под северной стеной станции. Само здание темнело на склоне, похожее на огромную чёрную глыбу. Кровля провалилась, ржавые антенны накренились в разные стороны. У стены стояли два вездехода, накрытые брезентом. Между ними и станцией разместились четыре палатки.

Рыжая принадлежала Северцеву. Академик сумел поставить её так, что она напоминала небольшой кабинет. В серой палатке Ильи с вечера горел тусклый фонарь, иногда до Максима доносился стук клавиш. Синяя была у Екатерины. Четвёртая, тёмно-зелёная и самая маленькая, стояла ближе остальных к скалам.

Там спала Вера.

Максим выбрал для неё это место сознательно. Крайнюю палатку было проще контролировать: с одной стороны, открытое пространство, с другой – вездеход, который прикрывал подход.

С трёх часов ночи, когда он принял вахту у Ильи, Максим обходил лагерь каждые двадцать минут. Ни разу не присел. Пальцы в перчатках почти перестали чувствовать тепло, ноги затекли, но он продолжал ходить.

Холод помогал не отвлекаться.

А мыслей у него было достаточно.

Вчерашний вечер не выходил из головы. Комната связи, мёртвые окна, запах ржавчины и пыли. Илья, склонившийся над столом под зелёным светом монитора. Вера рядом, обхватившая себя за локти. Она вслух повторяла цифры и постепенно бледнела, пока не дошла до последней последовательности.

Потом подняла глаза и посмотрела на Максима так, словно он обязан был объяснить происходящее.

Он не смог.

Максим не любил разочаровывать людей. Ещё меньше ему нравилось лгать. Поэтому последние сутки он чаще молчал, чем говорил.

Он дошёл до торца станции, остановился возле ржавой водосточной трубы и обернулся. Посчитал палатки.

Четыре. Все на месте.

Затем проверил вездеходы, заглянул под брезент, осмотрел дверные замки и двинулся обратно.

На очередном обходе он остановился.

Прошло двадцать минут. Вроде бы ничего не изменилось. Но что-то заставило его выключить фонарь.

Максим замер в темноте, глядя на палатку Веры.

Привычка иногда замечает опасность раньше, чем человек успевает понять, что именно его насторожило. Он пока не видел нарушения. Просто чувствовал, что привычная картина изменилась.

Включив фонарь на минимальную яркость, он прикрыл его ладонью и направил луч к земле.

Снег перед палаткой лежал ровно. Почти весь.

В трёх шагах справа, возле самого края вездехода, темнела цепочка отпечатков. Следы шли от скал к палатке, затем поворачивали к стене станции.

Один человек. Шаг небольшой. Подошва с рифлёным рисунком, каблук стёрт с внешней стороны.

Следы появились уже после снегопада. Значит, незнакомец прошёл здесь после четырёх утра.

Максим присел и положил рядом с отпечатком свой ботинок, стараясь не задеть снег. Чужая обувь была заметно меньше, примерно сорок первого или сорок второго размера.

Он перебрал в памяти обувь всех участников экспедиции.

Северцев носил тонкие итальянские ботинки на толстой подошве. Илья ходил в старых кроссовках, на которые жаловался при каждом удобном случае. Екатерина, насколько Максим помнил, приехала в низких сапогах с мехом. Вера носила высокие сапоги на каблуке.

Рисунок подошвы не совпадал ни с одним из этих вариантов.

Максим направил фонарь на полог палатки.

Нижняя молния двигалась в пазе легко, без малейшего сопротивления. Вечером он приклеил на шов крошечную полоску белого скотча. Никому об этом не сказал. Метка была почти незаметной, если не знать, где искать.

Теперь полоска оказалась разорвана надвое. Края ещё слегка поблёскивали.

Внутри у Максима всё оборвалось.

Он слышал каждый свой обход. Считал минуты. И всё равно кто-то прошёл совсем рядом, в промежутке между двумя проверками.

Причём незнакомец знал, когда именно можно это сделать.

– Вера, – негромко позвал он, не касаясь полога. – Вера Андреевна, проснитесь. Это Орлов.

Из палатки донёсся шорох. Затем раздался хрипловатый спросонья голос:

– Если вы пришли сообщить, что уже утро, я вам не поверю.

– Проверьте, всё ли у вас на месте. Сейчас. Не выходя.

Наступила пауза. Максим услышал, как Вера села, заскрипел спальник, потом зажёгся фонарь. На полотне палатки появился её силуэт: плечи, склонённая голова, рука, откидывающая волосы.

– Пока всё на месте, – сказала она через несколько секунд. Голос уже звучал собраннее. – Ноутбук, телефон, рюкзак... Тетрадь Громова под курткой. Я с ней спала. Что случилось?

– Откройте.

Молния зашуршала. Вера выбралась наружу босиком, в шерстяных носках, и сразу поджала пальцы от холода. На ней был толстый серый свитер с высоким горлом и кожаная куртка, накинутая поверх него. Волосы растрепались после сна, на щеке осталась красная полоса от подушки.

Зелёные глаза смотрели на Максима без всякого удовольствия.

– Если это шутка...

– Не шутка.

Он посветил на следы.

Вера замолчала. Сначала на её лице появилось раздражение, затем недоумение. Через несколько секунд взгляд изменился. Максим уже видел это выражение: так она смотрела на вещи, которые пыталась прочитать и понять.

– Он был внутри?

– Думаю, да. Молнию расстегнули и застегнули. Моя метка порвана.

– Ваша метка?

– Полоска скотча. Я приклеил её вечером.

– То есть вы ещё тогда решили, что кто-нибудь может залезть в мою палатку, но ничего мне не сказали?

– Я решил, что такая возможность существует.

– Знаете, Максим, – тихо произнесла Вера. В голосе чувствовалась злость, которую она изо всех сил старалась сдержать. – Вы бы удивились, если бы я рассказала, как мне надоело быть последней, кому всё объясняют.

– Сейчас я объясняю первой.

Она хотела ответить, но передумала и вернулась в палатку. Максим услышал, как она перебирает вещи. Он остался снаружи.

Прошла минута. Потом ещё одна.

Ветер за станцией вздохнул, и с крыши вездехода на капот соскользнул пласт мокрого снега.

– Ничего не пропало, – сказала Вера. – Максим, мне нужно... Посветите сюда.

Он подошёл и откинул полог.

В палатке стоял тёплый запах шерсти, кофе и духов с лёгкой цитрусовой горчинкой. Спальник был откинут. На сложенном свитере лежала фотография.

Вера сидела перед ней на коленях и не касалась снимка. Пальцы застыли в нескольких сантиметрах от него.

– Она стояла там, – сказала Вера, указав на фонарь у изголовья. – Я каждый вечер кладу её сюда. Прислоняю к фонарю, чтобы видеть, когда проснусь. Дурацкая привычка. С детства. С тех пор, как папа...

Она замолчала.

Фотография лежала лицевой стороной вниз.

Снимок был старым, цветным, выцветшим до тёплой желтизны. Уголки обтрепались, по краям сохранилась белая кайма. Максим видел сотни подобных фотографий в семейных альбомах.

Вера осторожно подцепила снимок за уголок и перевернула.

На фотографии было деревянное крыльцо дачного домика, зелёная трава и куст сирени. Высокий мужчина в светлой рубашке с закатанными рукавами сидел на ступеньке и смеялся, одной рукой обнимая девочку лет шести.

На девочке был красный сарафан. Она смотрела не в объектив, а на мужчину, снизу вверх. Так смотрят дети, когда рядом с ними человек, которому они доверяют безоговорочно.

У мужчины были тёмные волосы и лёгкая небритость. Когда он улыбался, на левой щеке появлялась глубокая ямочка.

Максим узнал его. Он уже видел этого человека на другой фотографии, возле бревенчатого барака. Тот стоял в заднем ряду с такой же полуулыбкой.

Вера долго молчала.

– Это ваш отец, – произнёс Максим.

– Июнь двухтысячного. Мне шесть лет. Мама снимала. Это единственная фотография, где мы втроём. То есть мама за камерой, но всё равно...

Она сглотнула.

– Он не мог упасть, – добавила Вера. – Снимок стоял вот здесь.

Она перевернула его снова, теперь оборотной стороной вверх.

На пожелтевшей бумаге фиолетовыми чернилами было написано аккуратным почерком: «Дача. Июнь. Верунька с папой».

Это была мамина надпись.

Вера провела по ней большим пальцем. Движение получилось коротким и почти невольным.

Ниже, поверх края старой фотографии, синим маркером были выведены крупные печатные буквы:

ТРЕТЬЯ КАМЕРА.

Надпись выглядела свежей. От маркера ещё пахло растворителем. Сильный нажим продавил бумагу, буквы получились слегка косыми, одинаковыми по высоте. Человек, который их писал, намеренно избавился от любых особенностей почерка.

У Максима напряглась челюсть.

– Кто знал об этой фотографии? – спросил он.

– Никто. Она лежала в рюкзаке, в кармане с документами. Я никому её не показывала. Вчера вечером достала впервые за год.

– Значит, кто-то перерыл рюкзак.

– Или знал, что искать.

Вера подняла глаза. Под страхом и злостью в них появилось что-то ещё – сухой, цепкий интерес.

– «Третья камера». Если в комплексе есть камеры и они пронумерованы...

– Тогда это может быть адрес, – закончил Максим.

– Или приглашение.

– Или ловушка.

– Или всё сразу.

Она поднялась, сунула фотографию в нагрудный карман куртки, где уже лежала тетрадь Громова, и застегнула молнию до самого горла. Пальцы слегка дрожали. Заметив взгляд Максима, Вера сжала их в кулак.

– Не смотрите так. Я не стеклянная.

– Я не говорил, что вы стеклянная.

– Вы так смотрите.

– Я смотрю на следы. Они ведут к стене станции и обрываются на бетоне. Тот, кто был здесь, знал, где заканчивается снег.

– Или пришёл оттуда.

– Или пришёл оттуда, – повторил Максим.

Они переглянулись. В этом взгляде не было доверия или нежности. Только короткое признание: оба думали об одном и том же.

Станция, в которой они провели ночь, не была мёртвой. Либо кто-то находился внутри, пока экспедиция спала, либо кто-то вернулся сюда, как возвращаются домой.

– Не будем будить всех сразу, – сказала Вера. – Дайте мне пять минут. Нужны ботинки. И умыться холодной водой, чтобы прийти в себя.

– Не одна.

– Максим...

– Не одна, – повторил он спокойно. – Я постою рядом, спиной. Смотреть не буду.

Она собиралась ответить что-то колкое. Максим заметил, как приподнялся уголок её губ, но Вера передумала.

– Спиной, – сказала она. – Хорошо. Но к спору о том, кто здесь кому что должен, мы ещё вернёмся.

Через двадцать минут они сидели в кабине первого вездехода. Внутри было душно и тепло: Екатерина включила обогреватель на полную мощность. На откидном столике стоял газовый примус, над которым гудел закопчённый чайник.

Северцев появился последним.

Максим сразу заметил, что академик уже успел побриться, причесаться и переодеться. На нём было длинное серое пальто, светлый шерстяной шарф и тонкие кожаные перчатки. Серебристые волосы лежали безупречно. Казалось, он только что вышел из гостиничного номера, а не из палатки посреди заснеженной тундры.

Лишь глаза выдавали бессонную ночь. Они оставались холодными и внимательными, как два осколка льда.

– Доброе утро, Вера Андреевна, – произнёс академик. – Максим. Мне передали, что у нас гости.

Голос звучал ровно, без вопросительной интонации. Северцев вообще редко повышал голос. Даже споря или отдавая распоряжения, он говорил так, будто разворачивал перед собеседником лист бумаги и предлагал прочитать уже написанное.

– Не гости, – ответил Максим. – Один гость.

Он коротко рассказал о следах. Вера положила фотографию на столик.

Максим следил за реакцией остальных. За глазами, руками, едва заметными движениями лица.

Северцев внимательно посмотрел на снимок. Дольше, чем на любую другую вещь за всё время экспедиции. В руки его не взял, только слегка поправил шарф.

– «Третья камера», – повторил он. – Если не ошибаюсь, это терминология. На закрытых объектах такого типа, а мне довелось работать на нескольких, акустические залы называли камерами. Камера глушения, камера резонанса, измерительная камера. Нумерация обычно шла по уровню шума. Третья, как правило, самая тихая.

– Или самая громкая, – возразил Илья.

Он вошёл в кабину последним, протиснувшись боком. Взъерошенный, с красными от недосыпа глазами, вязаная шапка съехала на одно ухо. В одной руке он держал планшет, в другой – бутерброд.

Выглядел Илья как студент, которого среди ночи разбудили ради экзамена перед строгой комиссией. Светлые волосы, голубые глаза, привычная спокойная улыбка. Только на этот раз улыбка не доходила до скул.

Он устал. Настолько, что даже обычное обаяние давалось ему с трудом.

– Простите, я пропустил самое интересное, – сказал он. – Кто-то гулял по лагерю, пока я стучал по клавишам и ничего не слышал. Возмутительно. Вера, вы целы?

– Цела.

– Слава богу.

Илья наклонился над столиком, посмотрел на фотографию и тут же отвёл глаза.

– Красивая. У вашего папы чудесная улыбка. Вы на него похожи.

– Спасибо, – ответила Вера.

Екатерина Белова не произнесла ни слова. Она сидела на краю сиденья, держа чашку обеими руками. На ней был бежевый кашемировый свитер и пальто цвета верблюжьей шерсти. Светлые волосы собраны в низкий небрежный узел.

Её голубые глаза внимательно следили за Верой. Максим уже видел такой взгляд: мягкий, спокойный, оценивающий. Так врач осматривает пациента, стараясь не пропустить ни одной мелочи.

Екатерина протянула руку и привычным движением коснулась запястья Веры. Двумя пальцами нащупала пульс.

– Сто, – сказала она. – Для человека, которого только что напугали, немного. Как спали?

– Хорошо. Видимо, слишком.

– Головная боль? Звон в ушах? Ощущение, что кто-то стоит рядом?

– Катя, – Вера слабо улыбнулась, – вы забыли спросить, видела ли я белых слонов.

– Отвечайте, пожалуйста.

– Нет. Ничего такого.

Екатерина кивнула, но ещё несколько секунд не отпускала её руку.

Максим отметил это про себя. Слишком внимательный осмотр. Пока он не понимал, что именно его насторожило.

– Я хочу, чтобы все понимали, – сказал Максим. В кабине стало тихо. – Тот, кто побывал здесь ночью, прошёл мимо меня. Я не спал. Считал минуты. Он рассчитал мои обходы. Либо наблюдал за лагерем издалека, либо заранее знал, как я хожу. Дальше палатки будем сторожить по двое.

– Максим, это разумно, но... – Северцев поднял ладонь. – Вы не думаете, что нас хотят остановить? Записка, напротив, ведёт нас вперёд. Тех, кого хотят задержать, обычно не направляют к цели.

– Её могли оставить, чтобы заманить нас в определённое место.

– В таком случае, – мягко произнёс академик, – мы пойдём туда, куда нам предлагают. Только будем смотреть по сторонам. Илья, вы закончили с координатами?

Илья проглотил кусок бутерброда, поморщился и развернул планшет. На экране светилась старая военная карта масштаба один к двумстам тысячам. Жёлтая, зернистая, с ломаной сеткой изолиний. Поверх неё была отмечена оранжевая точка.

– Закончил на рассвете. Сверил все доступные материалы: топографическую карту восемьдесят пятого года, свежие спутниковые снимки и мои записи с сейсмостанции. Координаты ведут сюда.

Он указал пальцем на экран.

– Двадцать восемь километров к юго-востоку. Сначала по старой технологической дороге, потом пешком. Там сопки, ущелье и два озера. А в самой точке пересечения – ничего. Ни дорог, ни построек. На советской карте белое пятно с отметкой высоты. На спутниковых снимках видна только скальная гряда.

– А на самом деле? – спросила Вера.

– На самом деле я бы поставил свой бутерброд, что там есть кое-что интересное. На картах советского Генерального штаба слово «ничего» порой означало, что смотреть туда посторонним не полагалось.

Вера придвинулась к планшету. Её взгляд скользил по линиям, контурам озёр и изгибам ущелья. Она изучала карту внимательно, пытаясь прочитать чужие мысли.

– Выезжаем в восемь, – распорядился Северцев. – Максим, организуйте всё необходимое.

– Я буду рядом с Верой. Весь день.

– Я и не сомневался, – ответил академик.

Вера бросила на Максима быстрый взгляд. В нём смешались недовольство и что-то похожее на благодарность. Он предпочёл промолчать.

За стеклом кабины небо постепенно светлело. Чёрный цвет сменился свинцовым, затем грязно-серым. Над зубчатой линией сопок появилась узкая полоса тусклого багрянца, похожая на свежий порез.

***

Скальный массив, центральная часть Кольского полуострова. 08:00–11:30

Старая технологическая дорога начиналась там, где заканчивались обычные маршруты. Она уходила на юго-восток, почти скрытая вереском и снегом. Вездеход двигался осторожно, переваливаясь с гусеницы на гусеницу. Двигатель глухо рычал, когда машина преодолевала очередной ухаб.

Дорогу построили в конце семидесятых для тяжёлой техники. Тогда на строительстве не экономили: насыпь из дроблёного камня, кюветы, бетонные водоотводные трубы. Теперь из этих труб торчали обломки, а по краям дороги пробивались ручьи.

За тридцать лет без ремонта многое разрушилось. В некоторых местах насыпь исчезла под болотом. Максим вёл машину, сверяясь с картой и выбирая путь по собственным ощущениям. Северцев отказался доверить руль кому-либо ещё.

Вера сидела рядом у окна и смотрела на тундру.

В утреннем свете она казалась суровой и почти безжизненной. Горбатые сопки покрывал бурый мох с пятнами лишайника и свежего снега. Между ними лежали чёрные озёра, затянутые тонкой коркой первого льда. Над водой поднимался пар. Карликовые берёзы цеплялись за камни искривлёнными ветвями, отполированными ветром и дождём.

Небо нависало над горизонтом низкими облаками цвета старого олова. В одном из просветов вдруг появился косой столб розоватого света. Он коснулся вершины дальней сопки, и та на несколько секунд вспыхнула, словно раскалённый уголь.

– Красиво, – сказал Максим, не отрывая взгляда от дороги.

– Это самое пустынное место, какое я видела.

– Я не говорил, что оно непустынное.

Вера усмехнулась. Голова у неё немного гудела, во рту оставался привкус холодного железа. Она вспомнила, что почти не пила воды, и решила исправить это при первой возможности.

Фотография лежала в кармане, возле самого сердца. Вера чувствовала её даже сквозь плотную ткань куртки. За двадцать лет она почти перестала вспоминать о снимке. Теперь же мысленно возвращалась к нему снова и снова.

«Папа, ты привёл меня сюда? Или меня привели?»

На заднем сиденье негромко спорили Илья и Екатерина.

Илья держался за поручень и объяснял, что звуковые волны ведут себя в горной породе совсем иначе, чем в воздухе.

– Представьте, что камень – это очень плотная вода, – говорил он, размахивая свободной рукой. – Продольные волны в граните распространяются со скоростью пять-шесть километров в секунду. Примерно в пятнадцать раз быстрее, чем в воздухе. Низкий звук, направленный в основание массива, может пройти сотни километров, почти не потеряв энергии. А если подобрать нужную частоту, порода начнёт гудеть, как огромный колокол.

Он сделал паузу и посмотрел на Екатерину.

– Знаете, как называется это явление?

– Нет.

– Вот и я не знаю. Точнее, знаю, но название звучит неприлично.

– Илья.

– Молчу.

Он улыбнулся, и Екатерина ответила ему едва заметной улыбкой.

– Если серьёзно, мы привыкли считать, что земля молчит. Но она постоянно издаёт звуки. Просто человек пока не научился разбирать всё, что происходит под ногами.

Вера слушала разговор вполуха. Илья умел рассказывать так, что ему хотелось верить, даже когда он шутил. Но её занимало другое. Утром, когда все рассматривали карту, он старательно избегал смотреть на фотографию. А потом вдруг похвалил её, причём как-то слишком поспешно.

Возможно, Вера просто искала повод для подозрений. Все были измучены бессонной ночью.

Через два часа дорога закончилась. Резко и неожиданно. Каменная насыпь обрывалась у чёрной воды. Из неё торчали бетонные столбики – остатки старого моста.

Максим заглушил двигатель.

В наступившей тишине слышалось, как с гусениц капает вода. Где-то за скалами надсадно кричала птица.

– Дальше пешком, – сказал Илья, проверяя планшет. – Около трёх километров. Через ущелье. Там должна быть гряда.

Они выбрались из вездехода. Холод ударил в лицо. Воздух пах болотной водой, снегом и ягелем.

Вера натянула перчатки и застегнула куртку до подбородка. Чёрная кожаная куртка плотно сидела на талии, тёмный шарф закрывал шею. Узкие брюки были заправлены в высокие сапоги на устойчивой подошве. Волосы она собрала в хвост, чтобы не мешали во время ходьбы.

Максим проверил карабины и подтянул лямки её рюкзака. Вера позволила ему это сделать. Сейчас спорить из-за ремней не имело смысла.

Екатерина достала из вездехода медицинскую сумку и перекинула через плечо ещё одну, поменьше. Илья взял приборы в жёстком кофре и что-то напевал себе под нос. Получалось фальшиво, зато бодро.

Северцев шёл налегке, опираясь на длинную трость. Казалось, он отправился на прогулку по парку.

Ущелье открылось неожиданно. Сначала они шли вдоль замёрзшего ручья, затем каменные стены начали подниматься по обе стороны и постепенно сближаться. Тёмные скалы блестели от влаги, в трещинах рос рыжий мох. Солнечный свет сверху сужался до тонкой серой полосы.

Шаги отдавались эхом. Звуки множились, путались, иногда возвращались с задержкой.

Вера то и дело оглядывалась. Ей казалось, что за спиной кто-то идёт. Но там был только Максим. Он держался на небольшом расстоянии и двигался бесшумно для такого крупного мужчины.

Она чувствовала его присутствие, даже когда не оборачивалась.

Наконец ущелье закончилось. Они вышли в низкую скальную чашу, и Илья остановился.

– Пришли, – произнёс он.

Перед ними возвышалась гранитная стена. Метров двенадцать высотой, широкая, почти плоская, с небольшим наклоном вперёд. Нижнюю часть скрывала груда обвалившихся глыб. Выше тянулись горизонтальные полосы выветривания, чёрные потёки воды, пятна жёлтого и оранжевого лишайника.

Всё выглядело естественно. Слишком естественно.

Вера внимательно осмотрела массив.

– Здесь ничего нет.

– Ничего, – согласился Илья. – Поэтому мы и приехали.

Они приблизились к стене. Максим шёл впереди, пригибаясь под низкими ветвями. Фонарь в его руке скользил по камню, выхватывая трещины, лишайник и тёмные потёки.

Вера остановилась.

Что-то в рисунке поверхности показалось ей неправильным. Она ещё не могла объяснить, что именно, но взгляд уже зацепился за несколько деталей.

– Подождите. Максим, посветите ниже. Чуть левее.

Луч переместился по стене.

Вера подошла вплотную и коснулась поверхности рукой в перчатке. Камень оказался гладким, холодным и слегка влажным. Под пальцами чувствовались мелкие поры.

– Это не гранит.

– Что? – Илья сразу оказался рядом.

– Посмотрите на линии выветривания. Здесь они идут горизонтально, как и должны. Но ближе к центру рисунок повторяется. Видите, этот потёк? Он уже встречался справа, метрах в пяти отсюда. И трещина с тремя ответвлениями тоже повторяется. Это не скала. Это её копия.

Максим провёл ладонью по поверхности и постучал костяшками пальцев. Раздался глухой звук с коротким плотным отзвуком.

– Панели, – сказал он.

Северцев подошёл последним. Остановился в нескольких шагах от стены и долго смотрел на неё.

Вера пыталась понять выражение его лица. Оно почти не менялось, но в глазах на мгновение появилось что-то похожее на узнавание. Так смотрят на дом, в котором когда-то жили.

– Каменная кожа, – произнёс академик.

Он слегка наклонил голову.

– Так называли подобные конструкции. Бетонные панели с рельефом, который отливали по формам. Их производили на заводе в Кировске, используя слепки с натуральных скал. С воздуха такие объекты практически невозможно отличить от настоящего массива.

Северцев провёл взглядом по стене.

– Мне говорили, что после девяносто первого года подобные сооружения разобрали. Видимо, не все.

– Вы знали, что она здесь, – сказал Максим.

– Я знал о существовании подобных объектов. Это разные вещи.

Они пошли вдоль стены, разгребая ногами снег и сухие ветки. Примерно через двадцать метров Максим отодвинул тяжёлую ветвь можжевельника, прижавшуюся к камню.

За ней обнаружилась дверь.

Она почти сливалась с окружающей поверхностью. Две массивные створки были покрыты ржавчиной и отслаивающейся краской цвета мокрого гранита. Петли глубоко уходили в бетонную панель. Сверху нависал железобетонный козырёк.

На нём виднелась белая цифра, почти скрытая лишайником.

Вера протёрла её перчаткой.

Четвёрка.

– Объект четыре, – прошептал Илья. – «Лопарь».

Ниже находилась плита из пожелтевшего эмалированного металла. Надпись сохранилась почти полностью. Буквы были выведены чётким советским шрифтом:

СТОЙ! ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА.
ПРОХОД ПО СПЕЦПРОПУСКАМ.
ЧАСОВОЙ ИМЕЕТ ПРАВО ПРИМЕНЯТЬ ОРУЖИЕ.

Вера перечитала последнюю строку. По спине пробежал холодок. Тридцать лет здесь не было часового, но предупреждение всё ещё висело на своём месте.

– Не торопитесь, – сказал Максим.

Он осматривал створки, проводя рукой по металлу.

– Следы, – позвала Екатерина.

Она присела у основания двери и указала на землю. Под свежим снегом виднелась широкая неглубокая борозда. Похоже, нижний край створки при открывании счищал щебень, оставляя ровную дорожку.

– Месяц назад, – оценила Екатерина. – Может быть, меньше.

– Кто-то часто здесь бывает, – сказал Илья. – Прекрасно. Просто прекрасно.

Створки открывались вручную. Механизмы на тросах давно проржавели, поэтому Максим и Илья взялись за железные рукоятки и навалились на них всем весом.

Сначала дверь не поддавалась. Затем металл дрогнул, и одна створка медленно пошла в сторону.

Раздался протяжный низкий скрип. Он прокатился по ущелью и вернулся эхом. Вере на мгновение показалось, что среди этих звуков слышатся человеческие голоса.

За дверью находился узкий тамбур длиной около трёх метров. Бетонный пол, стены, выкрашенные в мутно-зелёный цвет. Дальше начиналась огромная металлическая клеть. Ржавая решётчатая конструкция напоминала скелет морской птицы.

За ней в полу зияло круглое отверстие диаметром около шести метров.

Шахта.

Вера подошла к краю.

Луч фонаря ушёл вниз и пропал. Примерно через двадцать метров он выхватил из темноты стену из чёрного мокрого камня. По ней тянулись кабели в потрескавшейся изоляции. Дальше света уже не хватало.

Из шахты поднимался воздух.

Вера ожидала почувствовать сырость и холод подземелья. Вместо этого лицо коснулся тёплый сухой поток. Он пах разогретой пылью, машинным маслом и чем-то едва уловимым, напоминавшим озон после грозы.

– Градусов десять-двенадцать, – сказал Илья, поднеся к краю термометр. – Снаружи минус два. Шахта дышит. Тёплый воздух поднимается снизу. Значит, где-то работает вентиляция. Или обогрев.

– Или что-то другое, – сказала Екатерина.

– Спасибо, Катя. Я как раз хотел этим себя утешить.

На стенах шахты виднелись таблички. Вера направила туда фонарь.

Эмалированные пластины были красными, жёлтыми и чёрными. Белые буквы сохранились, хотя местами краска облупилась.

ВНИМАНИЕ! НИЗКОЧАСТОТНЫЕ КОЛЕБАНИЯ.
БЕЗ СРЕДСТВ ЗАЩИТЫ СЛУХА ВХОД ВОСПРЕЩЁН.
НЕ КУРИТЬ. НЕ ШУМЕТЬ.
ПРИ ЗВУКОВОМ СИГНАЛЕ ЗАНЯТЬ УКРЫТИЕ.

Последнюю надпись Вера прочитала дважды.

При звуковом сигнале занять укрытие.

Какой сигнал? Где находилось укрытие? И что происходило с теми, кто не успевал туда добраться?

Она посмотрела на Илью.

Тот стоял с планшетом в руке и больше не улыбался. На мгновение его лицо стало чужим: напряжённым, отстранённым. Казалось, он прислушивается к чему-то, чего остальные пока не слышат.

Заметив взгляд Веры, Илья снова улыбнулся.

– Ничего. Просто подумал, что люди, которые писали эти таблички, были гораздо предусмотрительнее нас. Мы даже наушников не взяли.

– Взяли, – ответила Екатерина. – В моей сумке десять пар. Я ещё в Мурманске подумала об этом.

– Вы удивительная женщина.

– Я врач, – сказала она. – Это одно и то же.

Лестница, проходившая вдоль стены шахты, оказалась в удивительно хорошем состоянии. Широкие металлические ступени с рифлением, крепкие перила, свежие сварные швы на нескольких соединениях. Максим проверил каждую из первых ступеней, потянул перила на себя, затем перекинул через плечо верёвку.

– Я пойду первым. За мной Вера. Потом Илья, Екатерина. Северцев замыкает.

– Согласен, – сказал академик. – Главное, чтобы не последним.

Спуск оказался долгим.

Вера держалась за перила. Холодное железо чувствовалось даже сквозь перчатки. Лестница уходила вниз по спирали, огибая шахту. Свет из верхнего проёма постепенно уменьшался: сначала превратился в тусклую жёлтую монету, затем в крошечную точку и наконец исчез.

Остались фонари. Их лучи скользили по мокрым стенам, выхватывая из темноты кабели и металлические крепления. Шаги гулко отдавались в шахте. Иногда Вере казалось, что позади спускается ещё одна группа людей, хотя она прекрасно знала, что никто из экспедиции не отстал.

Воздух становился теплее и суше. Вера расстегнула куртку у горла. Запах озона усилился, к нему примешался сладковатый запах старой пластмассы.

На десятой или двенадцатой площадке её сапог попал на капли конденсата. Нога скользнула. Вера резко схватилась за перила, но не успела удержать равновесие.

Чья-то рука поймала её за локоть.

Максим стоял на ступень ниже. Его лицо оказалось совсем близко. Луч фонаря падал в сторону, освещая скулу и тонкий шрам над левой бровью. Серые глаза смотрели прямо на неё.

– Осторожнее.

– Я осторожна, – ответила Вера.

Голос прозвучал чуть выше обычного.

– Вижу.

Он ещё секунду держал её за локоть. Сквозь рукав куртки она почувствовала тепло его ладони. Затем Максим отпустил её и продолжил спуск, теперь останавливаясь на каждом повороте. Иногда он протягивал руку назад, не оборачиваясь.

Вера за неё не бралась. Но замечала каждый такой жест.

Сколько времени прошло, она не знала. Ступеней было не меньше полутора сотен, возможно, больше. Наконец лестница закончилась. Под ногами оказался ровный сухой бетонный пол. За ним находился ещё один тамбур и дверь, оставленная приоткрытой.

За дверью начинался коридор.

Он уходил далеко вперёд, под низким сводчатым потолком. Вдоль стен тянулись аварийные лампы, но горела лишь каждая третья. Красноватый свет напоминал остывающий металл. Стены были выкрашены в тёмно-зелёный цвет до уровня плеч, выше – в грязно-белый. Под потолком проходили трубы и пучки проводов.

Всё выглядело заброшенным.

Кроме ламп.

Вера остановилась на пороге и подняла голову. Тридцать лет без людей. Тридцать лет без обслуживания. И всё же где-то глубоко под скалой продолжал работать источник питания. Тёплый воздух двигался по трубам, а аварийные лампы освещали коридор.

– Одиннадцать тридцать, – сказал Максим.

Он посмотрел на экран телефона. Связи, разумеется, не было.

– Глубина примерно семьдесят метров. Держимся вместе. Не расходиться.

Северцев вышел из тамбура последним. Остановился рядом с Верой и оглядел коридор.

– Совсем как тогда, – произнёс он почти шёпотом.

Вера повернула голову.

– Простите?

Академик не сразу ответил. Снял перчатку, медленно, палец за пальцем, и приложил ладонь к зелёной стене.

– Я хотел сказать, что объекты такого типа выглядят примерно одинаково. Не обращайте внимания, Вера Андреевна. Я старый человек. Иногда мне кажется, что я уже везде бывал.

Она запомнила эти слова. И то, как спокойно он их произнёс.

***

Первый уровень подземного комплекса. 12:00–14:00

Первый уровень начинался с гардероба.

Вера ожидала увидеть лаборатории, технические помещения или длинные залы с приборами. Но через несколько десятков шагов коридор расширился, и перед ними открылось просторное помещение с низким потолком.

Вдоль стен стояли металлические шкафчики, выкрашенные серой краской. Между ними разместились длинные скамьи и вешалки с рядами крючков. Когда-то здесь висели шинели, тулупы и белые халаты.

Пахло резиновыми сапогами, оружейным маслом и старой побелкой. Этот запах неожиданно напомнил Вере школьную раздевалку у бассейна. Только там никогда не стояла такая тишина.

Звук здесь будто вяз в воздухе. Шаги почти не отдавались эхом. Даже короткое «ого», вырвавшееся у Ильи, прозвучало глухо, будто он произнёс его через плотную ткань.

Вера почувствовала желание кашлянуть, но почему-то сдержалась.

– Звукопоглощающая отделка, – тихо сказал Илья. Он провёл ладонью по стене. Под краской проступали очертания рифлёных панелей. – Это помещение работает как шлюз: не даёт звукам проникать внутрь и выходить наружу.

– Или не выпускает то, что находится внутри, – заметила Екатерина.

– Вы сегодня полны оптимизма.

– Я просто помню таблички у шахты.

Максим поднял руку, и разговор прекратился.

Он стоял посреди помещения и внимательно изучал пол. Вера проследила за лучом его фонаря.

Сначала Вера заметила только пыль и старые пятна сырости. Потом увидела чистую полосу, тянувшуюся от входа к арке в глубине гардероба.

Пол не был чистым. В углах лежала пыль, под потолочными трубами висела паутина, у плинтусов темнели следы влаги. Но дорожка шириной около двух метров выглядела иначе: пыль на ней лежала тонким слоем, а бетон был затёрт до тусклого блеска.

– Здесь ходили, – сказал Максим. – И не один раз.

– Куда? – спросил Северцев.

– Туда и обратно. Смотрите.

Он направил фонарь на пол. Вдоль чистой полосы виднелись длинные царапины.

– Сначала шли налегке. Потом что-то вывозили. Ящики или тележки.

Они двинулись по дорожке.

У шкафчиков были распахнуты дверцы. Внутри сохранились пустые вешалки и клочки бумаги. На одной дверце Вера заметила вырезанную из журнала фотографию. Её приклеили к металлу хлебным мякишем.

На снимке была улыбающаяся актриса на фоне моря.

Вера подошла ближе. Внизу сохранилась часть подписи с выходными данными журнала.

– Две тысячи двадцать второй год.

Екатерина наклонилась к дверце.

– Значит, кто-то был здесь четыре года назад.

– Или работал, – добавила Вера. – Достаточно долго, чтобы обжиться.

Коридор дальше разветвлялся. Максим без колебаний свернул налево. Они прошли мимо столовой с табличкой «ПИЩЕБЛОК», затем миновали длинное помещение с одинаковыми дверями. На каждой белой краской был нанесён номер.

Десять. Одиннадцать. Двенадцать.

Вера шла за Максимом и всё чаще смотрела ему в спину. Он выбирал повороты слишком уверенно. Не останавливался, не сверялся с картой, не прислушивался к остальным.

Так ходят по дому, где знают каждый угол.

«Вы здесь никогда не были, Максим. Вы ведь сказали, что не были».

Вера ничего не спросила. Пока.

В столовой они остановились.

Это было большое помещение примерно на сорок мест. Столы были привинчены к полу. У дальней стены находилось раздаточное окно, рядом сохранилась кафельная облицовка с неровными зелёными следами от снятых плакатов.

На одном из столов стояла кружка.

Обычная эмалированная, белая, с синим ободком. На ручке была отбита эмаль.

Вера подошла и наклонилась, не касаясь предмета. На дне засохло тёмное кольцо. По краю чашки виднелся зелёный налёт плесени.

– Чай, – сказал Илья, остановившись рядом. – Заварка осталась на дне. Плесень уже появилась, но по ней трудно понять, сколько времени кружка здесь стоит. Недели? Может, месяцы.

– Они ушли в спешке, – сказал Максим.

– Почему вы так решили?

– Чай недопит.

Максим не стал ничего объяснять. Теперь и Вера заметила детали, которые сначала пропустила.

У дальней стены лежал перевёрнутый стул. На полу темнела высохшая лужа, рядом валялась разбитая миска. На раздаточном окне висели поварёшки.

Одна из них медленно раскачивалась.

Совсем чуть-чуть. Почти незаметно.

Вера замерла.

– Она движется.

– Сквозняк, – быстро сказал Илья. – Воздух идёт по вентиляции. Здесь ведь работает приточная система...

– Илья.

Он посмотрел на поварёшку, затем снова на Веру.

– Да. Сквозняк. Я только что решил, что это сквозняк, и мне так спокойнее.

В следующем помещении находилась жилая комната на шесть коек.

На стене над одной из кроватей висел отрывной календарь с изображением осеннего леса. Его выпустил какой-то мурманский рыбокомбинат. Последний оставшийся листок был датирован тринадцатым сентября.

Вера сняла календарь и перелистала страницы.

Под ним обнаружилась стопка вырванных листков, скреплённых вместе. На полях кто-то снова и снова записывал цифры и время.

Семнадцать сорок три.

Семнадцать сорок три.

Семнадцать сорок три.

Целые столбцы. Дни, недели, месяцы.

– Он считал, – сказала Вера. – Кто-то жил здесь и записывал периоды сигнала. День за днём.

– А тринадцатого сентября перестал, – произнёс Максим. – Или в этот день его отсюда увели.

– Или он ушёл сам, – сказал Северцев.

Все повернулись к нему.

Академик стоял в дверном проёме, прислонившись плечом к косяку. Он снял перчатки; ухоженные руки с длинными пальцами лежали на набалдашнике трости.

– Я лишь хочу сказать, что мы слишком поспешно решили: здесь произошла эвакуация. Мы видим следы людей и предполагаем, что их вынудили бежать. Но сотрудники подобных объектов могли уйти после завершения работы. Спокойно, без паники, оставив всё на своих местах.

– С недопитым чаем? – спросила Вера.

– Не все умеют вовремя заканчивать дела, Вера Андреевна.

Северцев слегка наклонил голову.

– Иногда на это уходят годы.

Вера не поняла, кого он имел в виду: людей, оставивших недопитый чай, или самого себя.

***

Комната связи находилась в конце коридора, за очередным поворотом.

Дверь была закрыта, но не заперта. Максим слегка толкнул её, и она подалась внутрь. Из комнаты на лестничную площадку лился ровный бело-голубой свет.

Не красноватый, как от аварийных ламп.

Свет экрана.

Вера услышала тонкий писк работающей электроники. Под ним ровно гудел трансформатор.

Для места, которое считалось заброшенным несколько десятилетий, эти звуки были слишком отчётливыми.

– Ждите, – сказал Максим и выставил перед собой ладонь. – Я первым.

Он вошёл и остановился.

Несколько секунд никто не двигался.

– Можно, – наконец произнёс он. Голос звучал непривычно. – Заходите. Только ничего не трогайте.

Комната оказалась небольшой, примерно шесть на восемь метров. Под низким потолком тянулись жгуты кабелей. Вдоль стен стояли стеллажи со старой аппаратурой в пластмассовых корпусах цвета слоновой кости. Ряды тумблеров, круглые шкалы, стрелки под стеклом.

Всё это напоминало музей советской электроники.

Но посреди этого помещения стоял современный компьютер.

Он стоял на светлом офисном столе и выглядел здесь чужеродно. Системный блок тихо гудел, широкий плоский монитор светился холодным светом.

К стене тянулся толстый оранжевый удлинитель. Через грубо установленный переходник он был подключён к старому чёрному щитку с фарфоровыми пробками.

Рядом лежала катушка ярко-синей изоленты. На ней ещё не успела осесть пыль.

– Он подключён к той же линии, что и лампы, – быстро заговорил Илья, присев возле проводов. – Вот понижающий трансформатор, вот преобразователь. Всю систему менять не стали: нашли действующую линию и подключились к ней.

Он выпрямился.

– Значит, где-то на нижних уровнях есть источник питания. Дизель, аккумуляторы… Что-то поддерживает напряжение. Хотя дизельный генератор я бы услышал.

– А что вы слышите? – спросила Вера.

– Пока ничего. И это странно.

Она почти не слушала его.

На экране была фотография.

Вера не сразу поняла, что на снимке она сама. Первую секунду ей показалось, что перед ней незнакомая женщина. Сознание отказывалось принимать увиденное.

Снимок сделали издалека, длиннофокусным объективом. Изображение слегка зернило. Женщина стояла на каменистом склоне возле белого металлического куба. Ветер трепал её тёмные волосы. Она обернулась через плечо и смеялась кому-то за кадром.

На ней была оранжевая экспедиционная куртка.

Позади дымился конус вулкана.

Камчатка. Станция «Карымская». Два года назад.

Вера помнила тот день: сильный ветер, из-за которого трудно было удержаться на ногах, и молодого корейца Пака, рассказавшего анекдот про медведя и вулканолога. Она смеялась так, что даже не заметила, как расплелась коса.

Но никто не говорил, что её фотографировали.

– Вера, – позвал Максим.

Он подошёл почти вплотную.

– Не смотрите на неё.

– Это я.

– Я знаю.

– Ноябрь две тысячи двадцать четвёртого. Камчатка. Я одиннадцать дней провела на этой станции. Там нет дорог. Добираются только на вертолёте.

Она смотрела на собственное изображение.

– Чтобы сделать такой снимок, нужно было лежать на соседней сопке с длиннофокусным объективом и ждать, пока я обернусь.

– Или иметь доступ к данным станции, – сказал Илья.

Он подошёл с другой стороны и осторожно коснулся клавиши.

– Подождите… Здесь есть файл «BAC_07». Я читаю это как «Вера Андреевна Соколова». Седьмой номер. Значит, есть и другие.

Илья открыл список папок.

– Здесь даты. Подпапки...

– Не открывайте, – остановил его Максим.

– Я только посмотрю дату создания.

– Илья.

Тот поднял обе руки.

Экран мигнул. Появилось окно с требованием ввести пароль. Курсор терпеливо мигал в пустой строке.

– Заблокировано, – сказал Илья. – Но дату последнего открытия я успел увидеть: двенадцатое сентября.

Он прищурился.

– За день до того, как перестали отрывать листки календаря.

Вера продолжала смотреть на фотографию. Холод медленно поднимался от позвоночника к затылку, добирался до корней волос и кончиков пальцев.

Это было совсем не похоже на обычный страх. Вера знала его проявления: жар, дрожь, желание немедленно что-нибудь предпринять. Сейчас внутри нарастало другое, тяжёлое чувство.

Словно все эти годы за ней кто-то наблюдал. Терпеливо, не торопясь. А она ни разу не обернулась.

– Меня снимали, – произнесла Вера. – На Камчатке. Возможно, и в других местах. Всё это время. Ещё до того, как вы пришли ко мне в центр. До Громова. До сигнала.

– Вера Андреевна, – мягко сказал Северцев.

Он стоял возле стеллажа и смотрел на экран. Впервые за всё время Вера заметила на его лице нечто похожее на растерянность. Академик так старательно скрывал чувства, что это само по себе выглядело подозрительно.

– Мне искренне жаль. Если бы я знал, что вас...

– Что бы вы сделали?

– Сказал бы вам об этом раньше.

– Значит, вы не знали?

– Нет. Не знал.

Вера ждала продолжения, но Северцев замолчал.

В комнате было слышно только гудение трансформатора.

Она отвернулась от монитора. Повернуть голову оказалось непросто, будто мышцы шеи внезапно затвердели.

Максим стоял рядом, не касаясь её. Он смотрел на Веру, а не на фотографию. Лицо его оставалось жёстким, но в серых глазах она заметила чувство, которого не ожидала от него увидеть.

Беспомощную ярость человека, который опоздал.

– Мы уходим, – тихо сказал Максим.

– Нет.

– Вера...

– Нет.

Она подняла подбородок. Руки дрожали, и Вера спрятала их в карманы куртки.

– Вы не понимаете. Тот, кто работает за этим компьютером, снимал меня на Камчатке. Он оставил фотографию в моей палатке. Он написал мне: «Третья камера». Он хочет, чтобы я пришла сюда. Он ждал меня годами.

Она посмотрела на экран.

– Если я сейчас уйду, он просто продолжит ждать. А я не собираюсь всю жизнь быть женщиной, за которой наблюдают через телеобъектив.

Впервые за много часов Вера почувствовала не страх, а упрямство. Старое, надёжное, злое. То самое, которое помогло ей уехать из Новосибирска, пережить мамину квартиру и выбраться из прежних отчаяний.

Екатерина мягко коснулась её плеча.

— Присядьте. Вот сюда. Дышите. Раз, два...

— Не надо считать за меня, — сказала Вера.

Она всё же села и позволила Екатерине приложить прохладную ладонь к своему лбу. От руки пахло мылом. Вера на секунду закрыла глаза и вспомнила маму, которая точно так же проверяла, нет ли у неё температуры.

— Отец не любил больниц, — произнесла она. — Никогда. К врачам почти не ходил. Говорил, что у него «своя медицина». И ни разу не показал мне, что с ним что-то не так.

Сказав это, она вспомнила один вечер. Отец сидел за столом, мама разливала суп, и вдруг он замер с ложкой в руке. Поднял голову, словно кто-то позвал его из соседней комнаты.

— Что, Андрей? — спросила мама.

— Ничего, — ответил он и улыбнулся. — Показалось.

Показалось.

Вера открыла глаза. Максим по-прежнему стоял рядом, но смотрел уже не на неё и не на отцовскую карту. Его внимание привлёк пустой ящик картотеки. Он глядел на него так, как будто знал, что там хранилось.

— Максим, — тихо позвала Вера.

— Да?

— Вы знали, что мы найдём здесь?

— Нет, — ответил он.

Это было правдой. И всё же Вера услышала в его голосе недосказанность. Как фальшивую ноту в знакомой мелодии: вроде бы всё звучит правильно, но что-то мешает поверить.

Екатерина тем временем снова склонилась над папками. Она быстро перебирала листы, внимательно читала заголовки, заглядывала в приложения. Вера наблюдала за ней и постепенно замечала странность. Врач словно искала что-то, о чём уже знала. Карты почти не вызывали у неё удивления. Даже находка отцовского дела, казалось, потрясла её меньше, чем должна была.

— Что вы ищете? — спросила Вера.

Екатерина подняла голову.

— То, что поможет понять, что с вами происходит. Вы ведь говорили, что у вас звенит в ушах.

— Я этого не говорила.

— Утром, в кабине вездехода. Вы сказали, что голова гудит.

Вера хотела возразить. Она помнила разговор и была уверена, что отвечала на вопрос Екатерины отрицательно. Но сейчас не хватало сил спорить из-за одной фразы.

Позже, уже ночью, она вспомнит этот разговор и поймёт, что действительно сказала «нет».

Илья сидел на полу и медленно сматывал ленту энцефалограммы. Его движения стали почти механическими.

— Знаете, что странно? — произнёс он, не поднимая головы. — Вот эти ритмы. Видите, всплески? Они повторяются через равные промежутки. Я хочу измерить расстояние между ними.

Он достал линейку, приложил к ленте и нахмурился.

— Сорок три и семнадцать... Нет. Так быть не может. Если пересчитать с учётом масштаба бумаги...

— Илья, — позвала Вера.

— Не сейчас. Простите. Я проверю. Если это то, о чём я думаю, ничего хорошего нас не ждёт.

В этот момент настенные часы, остановившиеся на двадцати минутах четвёртого, издали глухой металлический щелчок.

Все повернули головы.

Секундная стрелка дрогнула, прошла несколько делений и двинулась по кругу. Минутная сначала замерла, потом перескочила на цифру пять.

Двадцать пять минут четвёртого.

Под землёй часы снова пошли, словно кто-то только что завёл их после долгого перерыва.

— Пять часов, — сказал Максим, взглянув на телефон. — Нам пора возвращаться. Нужно решить, где будем ночевать.

Вера сложила отцовскую карту вчетверо. Бумага была старой, сгибы уже начали крошиться, но она всё равно убрала её в карман куртки, рядом с фотографией и тетрадью Громова.

Три вещи, связанные с разными событиями её жизни. Тетрадь казалась тяжёлой, фотография согревала ладонь, а карта отца холодила пальцы даже сквозь ткань.

Вера вдруг поняла, что всё меньше уверена в цели своего поиска. Она приехала сюда, чтобы выяснить, кто убил Громова. Теперь перед ней лежала история отца, и она уже не знала, что страшнее: узнать правду о его смерти или обнаружить, что человек, которого она похоронила двадцать три года назад, всё это время был частью чего-то гораздо большего.

***

Третий подземный уровень. 21:20–23:50

К вечеру караульное помещение у лестничной шахты стало их временным лагерем. Максим принёс спальные мешки, примус и канистру с водой. К двери придвинул тяжёлый железный стол, а на него поставил фонарь, направив свет в коридор. Екатерина устроила в углу аптечку, разложила пузырьки и бинты. Северцев сидел на единственном стуле и читал при свете налобного фонарика какую-то бумагу, которую никому не показывал. Илья устроился возле розетки и подключил ноутбук к старой проводке. Почти всё время он смотрел в экран.

Вера не спала. Лежала на спальнике и разглядывала трещины на потолке, похожие на русла высохших рек. Комплекс будто бы дышал. Вера ощущала тонкую вибрацию пола, проходившую сквозь матрас и тело. Она знала её частоту с точностью до десятой доли герца. От этого знания легче не становилось.

В кармане куртки лежала сложенная вчетверо карта отца. Вера не доставала её с четырёх часов дня, но постоянно чувствовала острый уголок бумаги под рёбрами.

Около девяти Максим подсел к ней и молча протянул кружку с чаем. Он снял куртку. Рукава серой рубашки открывали широкие жилистые запястья. На левом белел тонкий шрам.

Вера отпила. Чай оказался слишком сладким. Максим положил четыре ложки сахара, явно сделав это нарочно.

— Это для шока, — сказал он, не глядя на неё.

— Я не в шоке.

— Знаю. Но пейте.

Она усмехнулась и сделала ещё глоток. Горячий чай постепенно согревал грудь.

— Расскажите мне про моего отца.

— Я его не знал.

— Я не об этом. Вы говорили, что видели его на снимке у барака. Сегодня читали его карту. Вы умеете разбираться в людях. Что вы поняли?

Максим помолчал. Фонарь на столе мигал, и тени на его лице то сгущались, то исчезали.

— Человека, который не хотел, чтобы его нашли. И который всё-таки оставил вам подсказки на случай, если вы сюда придёте. Так не поступают с человеком, которого не любят.

Вера отвернулась. Глаза снова защипало.

— Вы что-то недоговариваете.

— Да.

Он ответил без оправданий. Вера резко повернулась к нему. Максим смотрел прямо, спокойно, не пытаясь уйти от её взгляда.

— Я расскажу, — продолжил он. — Когда у меня будет что-то, кроме слов. Если сейчас выложу всё, что знаю, вы мне не поверите. И будете правы. Я не хочу, чтобы вы верили мне просто так. Хочу, чтобы вы могли всё проверить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.